

Павел Корнев · Дмитрий Силлов · Андрей Левицкий
Алексей Бобл · Дмитрий Рус · Милослав Нязев
и другие...

— ПОД ЗНАКОМ —

Андрей Левицкий

Под знаком Z

«Автор»

2014

Левицкий А. Ю.

Под знаком Z / А. Ю. Левицкий — «Автор», 2014

ISBN 978-5-17-080685-0

Тепло наших тел – это все, что отличает нас от НИХ? Но они же были нами, и, возможно, мир еще не потерян, если они помнят его. Неужели зомби-апокалипсис станет смертным приговором человечеству? Каждый рассказ сборника «Под знаком Z» ищет ответ на этот вопрос по-своему. Дмитрий Силлов, Павел Корнев, Андрей Левицкий и другие популярные и начинающие писатели по-своему раскрывают тему оживших мертвецов, но все их рассказы несут в себе заряд оптимизма и дружбы, любви и преданности. Это рассказы не о зомби, а о нас.

ISBN 978-5-17-080685-0

© Левицкий А. Ю., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Антон Текшин	6
Дмитрий Силлов	24
Григорий Дондин	29
Динара Касмасова	34
Милослав Князев	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Под знаком Z (сборник)
Составители Андрей Яблоков, Сергей Грушко

© Андрей Яблоков, составитель, 2014

© Сергей Грушко, составитель, 2014

© Коллектив авторов, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Антон Текшин

У Немезиды сегодня выходной

За день крыша ангара нагрелась, словно противень в духовке. Мы лежали на ней уже второй час и собирались вот-вот покрыться золотистой корочкой.

– Ты изувер, – тихо прошептал Калина, качая головой. – Лучше уселись бы на погрузочном кране, в тенёчке...

– И в случае чего прыгали бы оттуда вниз головой, – возразил я. – Там подъёмная лестница простреливается со всех сторон, а внизу вдобавок ещё и бетонный пустырь.

– Да-да, пути отхода – наше всё, – проворчал парень. – Но ещё полчаса, и разгрузка приплывится намертво, будешь отдирать меня вместе с куском крыши.

– Не беспокойся, столько не просидим. Труби нашим, чтоб немедленно закруглялись.

– Ты что-то почувствовал? – встрепенулся Калина, вытаскивая рацию.

Я неопределённо покачал головой и продолжил просматривать внутренний двор через оптику. Грузовые контейнеры, ящики, бочки... В этом лабиринте легко заблудиться и стать чьим-нибудь обедом, но ради хранящихся здесь, по сегодняшним меркам, богатств можно было и рискнуть.

Наблюдение принесло плоды – между двумя дальними контейнерами мелькнула неясная тень.

– Движение на десять часов, – тут же среагировал Калина.

– Вижу.

В воздухе медленно разливалось звенящее напряжение – ещё не опасность, но первый звоночек, бьющийся в подсознании. До общего перезвона лучше не доводить.

Тем временем из-за груды гниющих поддонов показались две фигуры, осторожно водящие стволами автоматов по сторонам. Оружие, как и полагается, с глушителем, дорогая экипировка, за плечами внушительные рюкзаки.

– Коллеги? – предположил Калина.

– Вызови-ка их по общему каналу, – прошептал я. – Тут наверняка целая группа, просто мы не видим.

Напряжение повысило тональность. Не выйди на нас живые люди, мы бы уже сматывали отсюда удочки, но я должен был хотя бы попытаться их предупредить. В поле зрения попала ещё одна вооружённая пара метрах в тридцати от первой.

– Есть. – Калина протянул мне рацию.

– Приём, – прохрипели на другом конце. – Кто говорит?

– Тихий, – представился я. – Фуражиры из Солнечного.

– А, соседи, – несмотря на помехи, я различил в голосе нотки облегчения. – Мы из Северной. Группа Ганина.

– Слушай, Ганин, – без предисловий начал я. – На точку мы претензий не имеем, тут на всех хватит. Только сейчас здесь находится опасно. Мы отходим и вам советуем.

– Совет принял, Тихий, – вполне серьёзно отозвался голос. – Удачи вам.

– Спасибо, конец связи.

Я отключил рацию и стал собираться, пристроив арбалет за спину.

– Не уйдут, – уверенно заключил Калина.

– Это их выбор.

Мы тихонько поползли назад. Напряжение накаtywало всё сильнее, заставляя покрываться гусиной кожей. Я даже смог определить примерное направление источника – где-то в

соседних ангарах, совсем рядом с группой Ганина. Такая точность была для меня в диковинку, обычно фоново было слабее.

– Быстрее!

Позади нас, из внутреннего двора, слышались частые хлопки. Скрываться больше не было смысла – счёт пошёл на секунды. Я поднялся на ноги и рванул вперёд. За мной, гулко топая по металлическому настилу, поспешил Калина.

Края крыши мы достигли одновременно с первым взрывом. Из двора донёсся короткий вопль, который утонул в раскатах очередей. Судя по звукам, били из пулемёта. Я мысленно пожелал Ганину удачи и прыгнул вниз.

Падать, к счастью, было не высоко. Вплотную к ангару примыкала шеренга высоких гаражей, где хранили погрузочную технику и тяжёлый транспорт. На крышу одного из них мы и приземлились – Калина с мягким перекатом бывшего паркурщика, а я с грацией сброшенного мешка. Как говорится, рождённый предчувствовать летать не может.

За гаражами слышался глухой рокот – наши готовились драпать на всех парах. Калина вырвался вперёд, перепрыгивая с крыши на крышу, как заправский сайгак, – и едва не столкнулся с упырем, вскарабкавшимся по водосточной трубе.

От неминуемой гибели парня спасла потрясающая ловкость – не сбавляя темпа, он нырнул под левую лапу твари и оказался у неё за спиной. Свистнула шашка, и обезглавленное тело медленно завалилось навзничь.

Из-за козырька показался ещё один, судорожно цепляющийся когтями за шифер. Я вскинул арбалет и послал тяжёлый болт в переносицу шустрого мертвяка. Упирь утробно всхлипнул и грузно шлёпнулся на асфальт.

– Ходу!

На крыше позади нас вскарабкалось ещё несколько тварей, но мы уже достигли пожарной лестницы. Внизу слышались хлопки СВУ – Злата сбивала самых ретивых, бросившихся следом за нами.

Спустились за несколько секунд, причём Калина и тут не удержался, съехав «по-пожарному», не касаясь ступеней. Я нырнул в кабину головного ЗИЛа с широким отвалом, и машина тут же тронулась с места. Арбалет в сторону, а в руки «сто третий» Калашников.

– Что за стрельба на той стороне? – невозмутимо спросил Ануш, выворачивая широкий руль.

– Группа из Северной, – пояснил я. – Похоже, накрылись ребята.

– Упокой Господь и всё такое, – тихо вздохнул водитель, украдкой покосившись на меня.

– На дорогу смотри.

Вторым номером за нами двинулась «шишига» с нашитыми бортами, в ней как раз устроился бесстрашный паркурщик с дедовской шашкой. Замыкал колонну бронированный УАЗ с пулемётом на вертлюге – там ехала группа прикрытия.

Дорога впереди стремительно заполнялась мертвяками различной степени сохранности – от неуклюжих зомби, едва волокащих ноги, до юрких упырей, которые практически потеряли человеческий облик, превратившись в кровожадных мутантов.

– Что-то быстро они подтянулись, – заметил Ануш.

Он был прав, обычно проходили десятки минут, прежде чем привлечённые звуками твари собирались в подобном количестве. Но и такой густой волны ужаса, словно подгоняющей толпу мертвецов, я прежде не ощущал.

– Это Злата, приём, – зашипела рация под сводом кабины. – Сзади нас нагоняют, ходу прибавьте.

– Впереди целая толпа, держитесь рядом, – предупредил я ребят. – Смотрите, чтобы вас не отсекали.

– Не беспокойся, Тихий, не потеряемся, – хмыкнула Злата.

Я вздохнул. Дисциплина в моём отряде была строгая, но от излишнего словоблудия некоторых бойцов так и не удалось избавиться. С другой стороны, все они – бывшие гражданские, ещё совсем недавно жившие нормальной человеческой жизнью. Вот, например, Злата – спортсменка и надежда молодёжной сборной по биатлону, а теперь спит исключительно в обнимку с СВУ, иначе её всю ночь мучают кошмары.

Толпа зомби становилась ближе с каждой секундой.

– Ох, и запарюсь же я машину отмывать, – посетовал водитель и воткнул повышенную передачу.

* * *

До Солнечного добрались уже под вечер, вымотанные и уставшие. Город был просто запружен мертвецами, и если бы не Ануш, досконально знавший все переулки и подворотни, нас много раз могли попросту смять. Бывшему таксисту пришлось вести колонну заковыростым маршрутом, избегая широких дорог и открытых пространств. Получилась занятная такая экскурсия.

Родной город медленно приходил в упадок. Когда я жил в нём, как-то не задумывался, сколько сил стоило поддерживать такую махину в чистоте и порядке. Прошло всего лишь полгода, а город уже превратился в бледную тень прошлого – с выбитыми стеклами и захламлёнными улицами, которые начали потихоньку зарастать травой.

Блокпост на въезде в Солнечный проехали с большим трудом. Сначала машины, к облегчению Ануша, долго поливали из шлангов, смывая останки неупокоенных, а потом построили всех на досмотр. Солдат на посту заметно прибавилось, из чего можно было смело делать вывод, что к нам опять прилетело горячо любимое начальство.

– Петрович, не перегибай, – предупредил я старшего смены, когда тот предложил всем раздеться для осмотра. – Понимаю, у тебя порыв служебного энтузиазма, но среди нас заражённых нет.

– У меня приказ.

– А мне положить на него, в стриптизёры мы не нанимались. Я сам проверяю людей и не хочу, чтобы они тут унижались перед твоим взводом.

Петрович был старый вояка, но заслуженной пенсией насладиться так и не успел. Раз такого опытного человека поставили на блокпост, значит, руководство предполагало большие неприятности.

– Ладно, проезжай, – вздохнул он. – А то ещё развернёшься, Господи твоя воля, и объясняй потом Бате, что случилось.

Я поморщился, но промолчал. Упоминание «господа» выводило меня из себя, но с этим приходилось мириться, – людям необходимо во что-то верить, иначе у них попросту опускаются руки.

А на счёт того, что я могу повернуть в любой момент, Петрович был абсолютно прав. В округе ещё немало мест, где скапливались выжившие люди, и везде опытные мародёры пользовались неизменным спросом. Взять хотя бы войсковую часть на Северном шоссе, там как раз сейчас группа пропала...

Массивные ворота распахнулись, и нас пустили внутрь. До того, как всё случилось, Солнечный был элитным посёлком, где жили исключительно солидные люди, предпочитавшие покой и тишину, – поэтому дворцы и опоясывала внушительная стена, прерывавшаяся только укреплённым КПП.

Тут мы отбивались от первой и самой тяжёлой волны зомби, когда на троих была всего одна единица оружия, и приходилось сражаться чуть ли не врукопашную. Спустя полгода посёлок обзавёлся внушительным рвом и двумя смотровыми вышками, где как раз заканчивали

устанавливать тяжёлые пулемёты. Можно сказать, что жизнь стала налаживаться, но нас было много, слишком много: три сотни бойцов плюс около шестисот гражданских. И до эвакуации на новое место жительства всех нужно кормить.

Возле главного склада, под который выделили один из коттеджей, нас нетерпеливо поджидал Рафик с командой грузчиков.

– Сколько привезли? – тут же поинтересовался он, едва мы покинули машины.

– Не беспокойся, Рафаил, – я похлопал его по плечу. – Мы, как всегда, под завязку.

– Отлично! Слушай, Тихий, там тебя Батя звал, как приедешь...

– Что ж, пойду, раз зовёт. Калина, проследи за погрузкой! Остальным отдыхать.

Рафик всплеснул руками:

– Да что же ты, не доверяешь, что ли...

– Нет, – честно ответил я и пошёл по аллее в глубь посёлка.

К слову, Рафаил – единственный из обитателей Солнечного, который смог пережить эти страшные полгода. Большинство из его соседей-приятелей скоропостижно заразились ещё в первую неделю, но сам он был заядлым охотником и сумел отстоять своё право на жизнь.

На вертолётной площадке обнаружили сразу две винтокрылые машины, охранявшиеся несколькими бойцами. Наши неодобрительно качали головой, видя такие предосторожности, но обходили площадку стороной.

Я тоже не стал искушать охранников и повернул в сторону насосной станции, установленной прямо над артезианской скважиной. Заодно напьюсь и приведу себя в порядок перед встречей с начальством.

Возле скважины образовался стихийный рынок, где предприимчивые гражданские торговали зеленью и овощами, выращенными на декоративных лужайках. Со временем ассортимент значительно вырос, в основном благодаря усилиям мародёрских групп, а вот товарообмен остался исключительно натуральным. Калина как-то предложил ввести местные деньги, в виде крышечек из-под кока-колы, но его всем посёлком подняли на смех.

Возле палаток, как всегда, крутилась мелкая детвора. Я вытряс из разгрузки горсть мятных леденцов, которые немного подтаяли на раскалённой крыше, и меня сразу же окружила гомонящая толпа. Малолетние вымогатели вытрясли всё, что я смог прихватить им на этот раз, и только потом соизволили пропустить к скважине.

– Вы им нравитесь, – заметил женский голос за моей спиной. – Хоть от вас за версту несёт смертью.

– Им нравятся леденцы и прочие сласти, которые я регулярно привожу с собой, – возразил я и открыл кран.

Вода была холодной и вкусной. Я залпом выпил целую кружку, но со второй торопиться не стал, позволяя организму неспешно насытиться влагой.

– Нам надо поговорить.

Вот же упрямая!

– Мне нечего вам сказать. Люди, которые говорят на разных языках, никогда не достигнут взаимопонимания.

Я повернулся и отметил, что обычно спокойная Мария встревожена, хоть и старается держать себя в руках. Такие сильные эмоции улавливаются лучше всего; странно, что я не почувствовал этого раньше. Впрочем, толпа счастливых ребятишек своей звонкой радостью может заглушить кого угодно.

– Вы тоже это ощутили? – с надеждой спросила девушка. – Сегодня, около полудня...

– Да, – подтвердил я. – В этот раз особенно жутко. Сейчас весь город как кипящий котёл.

– Это Он подаёт нам знак, – зачастила Мария, вцепившись в мою руку. – Не отворачивайтесь от Него!

Я насколько мог мягко освободился и покачал головой:

– Свой крест я выбросил в унитаз и спустил воду. Что бы ни творилось сейчас в городе, не стоит искать в этом какой-то сакральный смысл.

Мария понуро опустила повязанную платком голову.

– Вы не понимаете...

Я развернулся и пошёл прочь. Хорошая она девушка, а в том, что в православие ударилась после всего этого ужаса, ничего странного нет. Потерять маленького ребёнка с мужем всегда легче, если это – всего лишь испытание, ниспосланное Им... Тьфу!

Другое дело, что способности Марии куда выше моих. Но для мародёрского дела она, увы, не годилась, – не могла поднять руку на зомби.

Предчувствие. Сколько людей оно спасало? Большинство слепо шагают навстречу смерти в полной уверенности, что ничего не случится; намного меньше тех, кто способен ощутить опасность, подстерегающую за углом. А таких, как мы с Марией, вообще считанные единицы.

У меня этот дар от прадеда. В далёкую Великую Отечественную он угодил в штрафбат и смог выжить только благодаря необыкновенному чутью на опасность. Отец рассказывал, как однажды прадед развернул продовольственную колонну, поехав в обход просто потому, что почувствовал – вперёд нельзя. Как оказалось потом, на ту дорогу высадились немецкие десантники, которые успели покрошить немало грузовиков, прежде чем скрыться в лесу.

С этими мыслями я подошёл к нашему импровизированному штабу, который располагался в бывшем здании службы безопасности посёлка. На входе, помимо наших бойцов, стояли еще четверо, со штурмовыми винтовками наперевес. Меня вежливо попросили оставить оружие и аммуницию снаружи и только потом пропустили внутрь.

В узком коридорчике отчаянно пахло выпечкой и свежесваренным чаем. Я кивнул одному сержанту Володько, который разбирал бумаги в приёмной, и постучал в дверь бывшего начальника охраны. Старую табличку давно уже сняли, заменив трафаретной надписью «Кирилов А.С.», а ниже кто-то приписал, вроде как для пояснения, крупными буквами – «БАТЯ».

– Войдите!

За дверью запах усилился, но в воздухе я почувствовал сильную нотку раздражения. Похоже, тут шёл оживлённый спор. Андрей, теперешний хозяин кабинета, нервно барабанил пальцами по деревянной столешнице, а дорогие гости с интересом уставились на меня.

Их оказалось двое. Немолодой, но ещё крепкий полковник и сухощавый мужчина с короткой бородкой и длинными каштановыми волосами. Ну прям мессия в полевой форме без знаков различия.

– Здравствуйте, – я сел на свободный стул и уточнил. – Вызывали?

Андрей хмуро кивнул, не сводя тяжелого взгляда с полковника. Тот, несколько не смущаясь, продолжал меня рассматривать, будто автомобиль в салоне выбирал.

– Меня зовут Николай, – между тем представился длинноволосый. – А вы...

– Тихий.

– А нормальное имя у тебя есть? – поинтересовался полковник.

– Уже нет.

Военный раздражённо фыркнул, но промолчал.

– Послушай, – подал, наконец, голос Андрей. – У нас серьёзные проблемы, но если ты откажешься, то...

– Да ладно тебе, – махнул рукой я. – Нужен проводник в город?

– А ты соображаешь, – отметил полковник. – Это очень хорошо.

– Надеюсь не прямо сейчас, ведь город напоминает растревоженный улей, – напомнил я.

– Сожалею, но выдвигаться нужно как можно скорее, – грустно улыбнулся Николай.

Ну как всегда, у таких людей всё должно быть уже «вчера».

– А почему нельзя подождать, когда всё утихнет?

– Потому что дальше будет только хуже.

* * *

– Как вы знаете, первые инфицированные появились в нескольких небольших городах по всему миру. – Николай переключился на новый слайд. – Денвер, Уишань, Новокубанск, Тьерра-Колорадо...

– Если бы зараза пошла с одного места, её смогли бы остановить, – добавил полковник. – Но потом волна заболеваний прокатилась и по мегаполисам.

– Это известно всем, – кивнул я. – Наверное, не осталось такого идиота, который был бы уверен, что эпидемия началась случайно.

Старую карту посёлка на стене сменило развернутое полотно проектора. Перед глазами мелькали разные города, но происходило в них одно и то же: мёртвые инфицировали живых, пополняя свои ряды. Реки крови, ужас и безысходность в глазах людей...

Гости оставались невозмутимыми, а вот нам с Андреем поплохело от навалившихся воспоминаний. Мы в это время ни в каких бункерах не отсиживались, а были на улицах, пытались хоть кому-то помочь. Тогда наш лидер, ещё служивший в МЧС, и стал полностью седым. До сих пор, закрывая глаза, я вижу его, несущегося с двумя перепуганными детьми на руках впереди толпы перемазанных кровью зомби. Водитель автобуса всё-таки дождался опаздывающих, косясь на пистолет в моих дрожащих руках, а новообращенные мертвяки рассерженно зашипели, когда добыча ускользнула прямо из-под их носа.

– Вы слушаете?

Я тряхнул головой, отгоняя призраков прошлого.

– Всё в порядке, можете продолжать.

– В настоящий момент система слежения NORAD функционирует лишь частично, но даже ограниченных ресурсов хватило, чтобы собрать некоторые интересные данные.

На полотне высветился снимок со спутника. Ряды улиц, кварталы, тёмная лента реки...

– Это Денвер за час до регистрации первого инфицированного.

– И что не так?

– Вот это голубое пятнышко, в левом нижнем углу.

В искомом месте действительно обнаружилась размытая клякса небесно-голубого цвета.

– Это двухместный вертолёт, – пояснил Николай. – А самое интересное, что по показаниям радара на момент съёмки никаких летательных аппаратов в этом секторе не было.

– То есть объект был замечен только визуально?

– Да, и через некоторое время он просто исчез.

Замелькали другие снимки, разного качества, но везде присутствовал голубой силуэт, а на последнем его сфотографировали и с земли на фоне какого-то небоскрёба.

– Аномалию заметили не сразу, а потом стало уже не до этого. Сейчас, когда крупные объединения выживших людей более или менее наладили связь между собой, стал возможен обмен информацией, и оказалось, что вертолёты фиксировали не только в Америке.

– И опять только визуально?

– Да, однажды один из них чуть не столкнулся с заходящим на посадку самолётом в аэропорту Сиднея, но ни диспетчер, ни пилот не засекли его на приборах до того, как увидели своими глазами.

– А через некоторое время в городе массово появились инфицированные, – предположил Андрей.

– Верно, – кивнул Николай. – Связь между этими событиями подтверждена многократно.

– И теперь за вертолётчиками идёт охота? – спросил я.

– Да, но пока что безрезультатно. Несколько месяцев не поступало никаких сообщений о них, но недавно в Ганновере военные объявили, что засекли похожий аппарат в центре города.

– В таких местах обычно максимальное скопление мертвяков. Что там могло кому-то понадобиться?

– Пока неизвестно. Бундесверовцы послали три группы спецназа на разведку, но ни одна из них не вернулась. А потом...

– Со стороны города хлынули зомби, словно дерьмо из забитой канализации, – скривился полковник. – Больше никто на связь оттуда не выходил.

– Некоторые группы выживших замолкали и раньше, – продолжил Николай. – Теперь мы знаем, в чем причина. До этого людям было проще выживать, отдалившись от городов. Вирус, поражающий человеческий организм, оставляет некоторые участки мозга нетронутыми, поэтому инфицированные безотчётно стараются держаться населённых пунктов, где они когда-то жили. К сожалению, это всё, что ученым удалось выяснить, – до сих пор механизм распространения болезни можно наблюдать лишь косвенно. Некоторые вообще заявляют, что это не вирус...

– Да хоть кара Господня, – пожал плечами полковник. – Но первопричина всех бед в этой голубой винтокрылой херне.

– Которая объявилась и в нашем городе, – закончил я.

Николай кивнул и вывел последний спутниковый снимок. Вертолёт беспечно летел над мёртвыми улицами, по которым я бегал ещё ребёнком.

– Когда выдвигаемся?

– На рассвете, – ответил полковник. – Эвакуация Северной уже началась, вы на очереди. Дома, конечно, достроить не успели, но хоть периметр серьёзно укрепили, да и полигон располагался далеко от города...

– Людей у нас мало, так что будем рады, если с вами пойдёт ещё кто-нибудь, – вставил Николай.

– Я возьму двоих. Сколько пойдёт с вашей стороны?

– Тоже трое, – он улыбнулся. – Включая меня.

– Вы хоть стрелять-то умеете?

– Немного, но это как раз и не принципиально, потому что огнестрельное оружие мы с собой не возьмём.

* * *

– И ты ему веришь?

– По крайней мере, он считает, что говорит правду, – я пожал плечами. – Эксперты такого уровня, работавшие на серьёзную государственную контору, ошибаются крайне редко.

Калина недоверчиво фыркнул.

– Если есть вариант надрать задницу козлам, которые это всё заварили... – Злата сжала кулаки. – О, я в деле, без вопросов.

Мы сидели в крохотном домике для прислуги, который облюбовала наша группа. Остальные отдыхали, уставшие после тяжёлого рейда, их я будить не стал, сразу решив, кто именно со мной пойдёт.

– Эти неуловимые вертолёты... – Калина сделал неопределённый жест. – Как такое вообще возможно?

– Вот и узнаем, когда его возьмём.

– А почему именно мы двое? – спросила Злата.

Ответ напрашивался сам собой, но произнести это вслух было тяжело.

– Вы слишком много потеряли... И пойдёте до конца.

– Логично, – кивнул Калина. – Короче, я подписываюсь. Шашку-то можно будет с собой взять?

– Шашку – да, огнестрел – нет.

– Пойду, Риту почищу, а то ж никто из этих олухов не догадается. – Злата вздохнула и вышла из комнаты.

Ритой звали её винтовку. Я никогда не уточнял, чьё это имя, – среди выживших считается плохим тоном спрашивать о погибших. Стреляла девушка прекрасно, а на то, что её частенько видели разговаривающей со снайперкой, все дружно закрывали глаза.

Мы с Калиной понимающе переглянулись и пошли к вертолёту. Для заброса группы выделили тот, что поменьше, с полным боекомплектом на подвеске.

– Он отстреляется в противоположной части города, привлекая туда внимание инфицированных, – пояснил Николай. – Идти придётся пешком, так что это хоть немного облегчит нам дорогу.

– А просто подлететь и расфигачить – не вариант? – поинтересовался Калина, с любопытством рассматривая боевую машину.

– Приборы выйдут из строя, и он упадёт, – уверенно заявил эксперт. – То же самое происходит с любыми другими аппаратами. Однажды попытались бить ракетами, но они взрывались на подлёте. Современное оружие, увы, оказалось бессильно...

– Вот поэтому мы и идём, как будто музей ограбили?

Замечание было недалеко от истины. Молчаливые спецы Николая, коротко представившиеся Сергеем и Вадимом, вооружились настоящими мечами и булавами. Калина с дедовской шашкой был как нельзя кстати, я же выбрал себе небольшой клинок вдобавок к привычному арбалету. Доспехи, правда, были современные: удобные комбезы повышенной защиты. Нам достались такие же, и последние минуты перед стартом мы подгоняли их под себя.

Чуть позже подошла Злата и переоделась у всех на виду, ничуть не стесняясь. Все на площадке, включая эксперта, разом уставились на её красивую, тренированную фигуру, и только спецы продолжали проверять экипировку.

Раньше я на вертолётах не летал, но резкий взлёт не вызвал никаких неприятных ощущений, только уши на пару мгновений заложило. Злата заняла место возле меня и молча протянула свернутый белый платочек. Уже по одному его виду можно было догадаться, чей он, но ещё раньше я почувствовал тепло, исходящее от свёртка. Мария.

Я отрицательно покачал головой. Злата нахмурилась и положила платочек обратно в разгрузку. Тем временем Николай активировал гарнитуру, которую нам выдали перед стартом, и весело поинтересовался:

– Ну, как полёт?

– Нормально, – ответил Калина, по лицу которого было видно, что его начало укачивать. – Но мне было бы спокойнее лететь в обнимку с пулемётом.

– Увы, – развёл руками эксперт. – Я своими глазами видел, что случилось с группой в Ярославле, – они погибли в забаррикадированном здании, и над телами не успели поработать инфицированные. У всех одновременно рванул боекомплект, а трансивер, который установили в соседней комнате, выглядел как оплывшая свеча.

– Очень вдохновляет, – заметила Злата. – И вы решили, что с холодным оружием у нас больше шансов?

– По крайней мере, взрываться будет нечему.

Солнце медленно всходило над мёртвым городом. С такой высоты казалось, что всё в порядке, стоит приземлиться – и ты будешь окружен людьми, спешащими на работу или возвращающимися с ночной смены домой.

Каждое утро я шёл по этим улицам пешком, позволяя обгонять себя стайкам гомонящих школьников, вдыхал свежий воздух и наслаждался любимой музыкой в наушниках. Только сейчас понял, как мне этого всего не хватает...

– Садимся, – предупредил пилот, и вертолёт резко пошёл вниз.

Засосало под ложечкой, будто на аттракционе, но уже через несколько секунд мы приземлились на плоской крыше торгового комплекса. Дверь плавно скользнула вбок, и нам пришлось покинуть безопасное нутро боевой машины. Гарнитура и вся прочая электроника остались на борту.

– Как на дракона идём, – выразил общее мнение Калина. – А нас потом вообще найдут?

– Пилот опытный, – пожал плечами Николай. – Подберут всех, не волнуйтесь.

Вот тут я и уловил нотку, которой боялся больше всего. Что ж, настало время поговорить по душам...

– Раз уж мы пошли все вместе на такой риск, давайте без официоза, – предложил я. – И вдобавок нужно прояснить несколько моментов.

– Каких это? – удивился эксперт.

– Из какого ты объединения, Коля?

– Тебя сейчас меньше всего должны волновать такие нюансы.

– Меня волнует то, почему такого специалиста послали на убой, как простого разведчика?

– Я сам вызвался.

– На убой? – переспросила Злата.

– Вертолёт не вернется. Коля, ты не знал, что я хорошо чувствую человеческие эмоции?

– Ещё и эмпатия, любопытно, – эксперт задумчиво огладил бородку. – Мне сказали, что у тебя нюх на опасность, но такой уровень...

– Уровень чего?

Спецы заметно напряглись, но Николай успокаивающе протянул руки ладонями вперёд.

– Давайте не ссориться, ребята. Про вертолёт ты немного неправильно понял – я просто не верю, что он сможет вернуться. Кто бы ни находился сейчас в центре города, шума он не любит. Вряд ли пилот успеет израсходовать хотя бы половину боезапаса.

– Всё лучше и лучше, – проворчала Злата. – Значит, выбираться будем на своих двоих?

– Именно.

– Хорошо, здесь всё понятно, – кивнул я. – А что за самоотверженность? Надоело заниматься умственным трудом?

– Иначе командование не санкционировало бы последнюю попытку. Я своим поступком показал, что на сто процентов уверен в правильности моих выводов. Они не ожидали такого и дали добро, пусть и нехотя.

– Последняя попытка?

– Умеешь ты вычленять нужное, – усмехнулся Николай. – Больше группы для захвата объекта посылать никто не будет. Если бы мы сейчас тут не стояли, в город уже прилетела бы баллистическая ракета.

– Их же сбивают на подлёте? – напомнил Калина.

– Эта будет с ядерным зарядом. Ей и не обязательно попасть в цель.

– И сколько у нас времени?

– Восемь часов. Если до этого мы не разведём на какой-нибудь крыше сигнальный костёр, здесь будет очень большая воронка, поверьте мне.

* * *

Последний и самый громкий взрыв заставил жалобно задребезжать чудом уцелевшую витрину соседнего магазина.

– Накрылась птичка, – констатировала Злата.

Мы шли переулками, прячась в тени домов. Чем ближе к центру, тем явственней я ощущал звенящую тревогу. Мертвяков было на удивление мало, редкие стычки с одиночками не

представляли серьёзной угрозы. По словам Николая, зомби на данный момент концентрировались в пригороде, чтобы хлынуть оттуда неудержимой волной.

– Как мы вообще отыщем вертолёт или пилота за такое короткое время? – спросила Злата. – Это будет посложнее, чем иголку в стоге сена нашарить.

– Он сам нас найдет, – уверенно заявил эксперт. – Среди той бойни в Ярославле были обнаружены чужие отпечатки мужской обуви. Кто-то был там, когда всё это случилось, проверил, нет ли выживших, и ушёл.

– Тогда чего мы прёмся навстречу, не легче ли занять оборону?

– А кто даст гарантию, что он в этом случае нападёт? – ответил я за Николая. – Сделает свои дела и улетит восвояси.

– То есть мы ещё и наживка, – вздохнул Калина. – Чувствую, что хороших новостей лучше сегодня не ждать.

Очередной переулочек привёл нас к широкому проспекту. Дальше шли высотки, постепенно вытеснявшие промышленные сооружения, которые когда-то кормили наш город.

– Пойдём внутренними дворами мимо церкви и выйдем к бывшему зданию администрации, – прикинул я. – За ней плотная застройка, и там же – самая высокая свечка в округе. С неё можно оглядеться и решить, куда двигаться дальше.

– Неплохо, – оценил Николай. – Тебя нам просто Бог послал.

Хоть я и почувствовал, что последняя фраза произнесена специально, скрыть свои эмоции до конца всё же не смог.

– У тебя какие-то проблемы с верой?

– Как и у всех.

Развивать тему эксперт не стал. Дворы, между тем, привели к почерневшему остову церкви. Купол обвалился внутрь, а обгоревшие стропила придела торчали, будто рёбра обглоданного скелета.

Мои родители часто ходили сюда, и неудивительно, что именно здесь они тогда искали защиту...

– Мне тоже одно время казалось, что Бог отвернулся от нас, – вздохнул Николай. – Твоя работа?

Я кивнул.

– А зачем?

– Там были все, кого я любил.

Если бы они остались дома... Забаррикадировались и ждали помощи, как сделали их соседи. До сих пор эти милые люди боятся попасться мне на глаза в посёлке, как будто в случившемся есть их вина.

К церкви я прорвался лишь день спустя, когда было уже слишком поздно. Бог не защитил своих почитателей, и мёртвые осквернили его святилище. Мне осталось только сжечь здание вместе со всеми, кто, переродившись, перестал быть моей семьёй.

– Соболезную.

Группа молча прошла мимо пожарища. Потянулись безликие здания хрущёвской застройки, которые в последнее время начали сносить, планируя построить на их месте огромный торгово-развлекательный комплекс. До самой администрации было подозрительно тихо, даже одиночные зомби перестали попадаться. И тут позади нас резко возникла волна злобного напряжения, как накануне в складских ангарах.

– Толпа идёт!

Мы рванули через брошенную стройплощадку, которую хотели обогнуть по периметру. Впереди показался недостроенный магазин, окружённый широким кольцом парковочной зоны. Звуки погони быстро приближались, становясь всё громче. Ощущение опасности стало

нестерпимым, будто кто-то живьем сдирает кожу, и я отчетливо понял – на пустырь нам высовываться нельзя.

– Вбок! Через траншею!

О том, что к магазину неплохо было бы подвести коммуникации, строители традиционно вспомнили уже после укладки асфальта. Поэтому его разбили отбойниками и выкопали технический канал, по пояс взрослому человеку. Через эту импровизированную траншею мы и побежали, оскальзываясь на пластиковых трубах, устилавших дно.

Едва группа преодолела половину расстояния, как позади прогрехотал взрыв. Все инстинктивно пригнулись, и я ощутил, как над головой со свистом пролетел кусок дорожного покрытия. Если бы мы пересекали парковку поверху, то добывать мертвякам наверняка было бы некого. Нас целенаправленно загоняли, будто дичь на охоте.

Второй взрыв чуть не накрыл уже у самого магазина. Перед этим я успел оглянуться и увидеть, что нагонявшие нас зомби достигли края стройплощадки. Их оказалось не больше двух десятков, – угроза существенная, особенно на открытой местности, но внутри здания у нас был шанс. Если бы не этот чёртов обстрел...

Зданию до отделочных работ было ещё далеко. Повсюду стояли поддоны со стройматериалом, которые могли дать неплохую защиту.

– Занять оборону!

Спецы уже выпустили пару болтов в набегавших упырей, и остальные последовали их примеру. Я примостился за сваленными в кучу мешками цемента, выбрал цель и плавно, насколько смог, спустил курок. Зомби поймал стрелу лицом, пробежал ещё пару шагов по инерции и рухнул замертво. Его примеру последовали ещё несколько подстреленных сородичей, образовав кучу-малу из копошащихся тел.

Арбалет перезаряжать долго, но мы выиграли несколько секунд для второго залпа, а там можно и врукопашную, с теми, кто добежит.

Но невидимый противник не хотел давать нам шанс выбраться из западни живыми. Не успел я прицелиться во второй раз, как через широкий витринный проём влетел огненный сгусток, оглушительно взорвавшийся внутри магазина.

Меня спасли мешки, безропотно принявшие весь жар и ударную волну на себя. Воздух наполнился цементной пылью, полностью перекрыв обзор, и мертвяки без проблем проникли в здание.

То, что творилось потом, люди обычно видят в кошмарах, просыпаясь в холодном поту. Ничего нельзя было разобрать на расстоянии вытянутой руки, и со всех сторон напировали зомби. Я крутился волчком – рубил, колол, уворачивался от зубов и когтей, полностью пожившись на своём чутьё.

Через какое-то время прогремел ещё один взрыв, но я предчувствовал его и укрылся за толстой колонной, а вот погнавшегося за мной упыря взрывная волна бросила на торчавшую арматуру, на которой он и повис, проткнутый, словно бабочка в альбоме натуралиста.

Больше на меня никто не нападал. Крепко сжимая меч в руке, я начал медленно обходить место побоища и почти сразу же наткнулся на Злату. Девушке тоже досталось от взрыва – осколки пробили тело в нескольких местах, а ноги были вывернуты под неестественным углом. Судя по окровавленному следу, она проползла пару метров, пока силы не оставили её. Любой другой давно бы уже отключился, но выносливая Злата ещё была в сознании.

– Возьми... Я обещала...

В руке девушка сжимала побуревший от крови платок Марии.

– Злата, как же так... – я опустил перед ней на колени.

Одного взгляда хватило, чтобы понять – всё кончено. Будь даже за стеной готовая к приёму операционная с бригадой лучших врачей, – слишком поздно. Смерть уже оставила печать на лице девушки, но в гаснущих глазах не было страха.

– Она позаботится... О Рите...

– Это просто винтовка, как ты не поймёшь, – простонал я. – Зачем я втянул тебя, идиот...

Злата не ответила, остекленевшим взглядом уставившись куда-то под потолок. Я дрожащей рукой закрыл ей глаза и вынул из сжатых пальцев платок. В свертке оказался серебряный крестик на простой черной верёвочке. Пару секунд я боролся с искушением отшвырнуть его куда подальше, но, взглянув на девушку, неожиданно для себя самого – надел.

Нужно было продолжать поиски, – вдруг кто-то ещё смог пережить этот кошмар. Осторожно ступая по строительному хламу, я пошёл дальше. Спецы нашлись практически сразу, окружённые порубленными в куски упырями. Ни пульса, ни дыхания, – оба мертвы.

Откуда-то слева раздалось сдавленное хихикание. Помещение понемногу заволакивало дымом, и пришлось идти практически на ощупь. Часть недостроенного второго этажа уже обрушилась вниз, остальное трещало, грозя развалиться в любую минуту. Преодолев завалы, я обнаружил Калину, прислонившегося спиной к одной из колонн.

– Волшебника не видно, Тихий? – хихикнул он.

– Кого?!

– Ну, этого... Как в песне, ей-богу...

Я присел рядом. Из ушей у парня кровь вроде не текла, а вот левая нога выглядела так, будто ей хотели пообедать.

– Покусили меня, – проследил он мой взгляд. – Через час буду бродить, завывая, и мечтать о человеческом мясе...

Тут возразить было нечего. Царапины от когтей, хоть и с большим трудом, но заживали, а вот укусы были смертельны. Именно слюна являлась источником заразы, выкосившей большую часть человечества.

– Николая видел?

– Не-а, – помотал головой парень, с трудом поднимаясь. – Похоже, мы одни остались. И волшебник.

– Калиниченко, у тебя сотрясение, какой ещё волшебник?!

– С голубого вертолёт! Ты видел, чем он в нас запульнул? Это ж чистый фаербол...

– Не мели ерунды, нужно выбираться отсюда поскорее.

– Тебе, Тихий, выбираться, а я уже умер. Но есть отличная идея – помнишь, что рассказывал Николай про волшебника?

– Он пришёл тогда убедиться, нет ли выживших, – вспомнил я.

– Вот и побуду приманкой, напоследок, – хихикнул Калина. – Или отсекай мне голову прямо тут. Шашку только сохрани. И прощай.

Сильно хромая, он побрёл прочь. Я взял семейную реликвию, оставив меч у колонны, и прислушался к внутренним ощущениям. Поблизости опасности не чувствовалось, но где-то на границе восприятия я уловил нечто, пульсирующее тревогой. Кто-то явно размышлял, стоит ли входить в здание.

Волшебник. Разве такое возможно? Я припомнил огненный сгусток – на термобарический заряд он не походил. Тогда что? Не фаербол же, в самом деле...

– Эй ты, Саурон хренов! – громко послышалось впереди. – Иди сюда, разберёмся по-мужски!

Я осторожно крался за ним, прикрываясь завалами. Здание трещало, дым становился всё гуще, но последнее мне было только на руку. Лишь бы противник повёлся на приманку.

– Ах, вот ты какой, – расхохотался Калина где-то впереди. – Совсем не похож...

Сверкнула тусклая вспышка, будто от электрического разряда, и парень замолк. От ярости свело скулы, и только огромным усилием воли я не бросился вперёд. Нет уж, пусть сам подойдёт.

Захрустел мелкий мусор под подошвами врага. Судя по звукам, он обходил завал, за которым я прятался, по широкой дуге. Проклятье! Будь у меня арбалет – всадил бы болт, не выдавая себя, а так придётся волей-неволей раскрыться.

Шаги слышались всё отчетливей; кто бы это ни был, он явно не скрывался. А вот с внутренним взором творилось что-то неладное – не ощущал я никого в той стороне. И как быть?

Всё плохое в моей жизни происходило, когда я шел наперекор своим предчувствиям. Что ж, пришло время исправлять свои ошибки. Звуки приближались с каждым мгновением, но я даже не шелохнулся.

Оказалось, противник тоже использовал приманку. Шаги шелестели на пустом месте, я убедился в этом, когда звук донесся с освещённого огнём места. А вот позади кралась неясная тень, подолгу выжидая в укрытии. Я пропустил её мимо себя и двинулся следом, постепенно сокращая дистанцию. Фигура замерла возле Златы, видимо, осматривая тело. Приблизившись, я разглядел, что неведомым противником был длинноволосый парень в джинсах, сжимавший какой-то предмет в руке. Он всё-таки почувствовал меня, обернулся, но было уже поздно – я оказался на расстоянии удара. Шашка, как и катана, позволяет бить без замаха в ограниченном пространстве, и увернуться от неё практически невозможно. Вот только ударить я не успел – магазин устал стоять на дрожащих колоннах и сложился внутрь себя. По голове ударило чем-то тяжёлым, и перед глазами вспыхнула темнота...

* * *

Сознание пришло рывком, будто я вынырнул из глубины на поверхность. Голова, против ожидания, почти не болела, будто и не приземлялся на неё солидный кусок развалившегося магазина. А вот руки саднили – кто-то привязал их капроновой верёвкой к спинке кушетки, на которой я лежал.

Помещение оказалось вполне знакомым – последний этаж ремонтно-машиностроительного завода, довелось побывать тут пару раз. Эти огромные окна-витражи из советского стеклянного кирпича ни с чем не спутаешь, таких у нас в городе больше не осталось. Здесь, если не изменяла память, располагались мелкие мастерские и обмоточный цех. Лампы под крышей горели ровным светом, значит, запущен генератор в подвале, вот только зачем?

– А ты молодец – быстро восстановился!

К кушетке, на которой я лежал, подошел давешний парень. Длинные волосы цвета спелой пшеницы собраны в хвост, разношенные кеды, застиранная майка. И это – человек, за которым охотятся все оставшиеся в мире военные?

– У тебя куча вопросов, а времени мало, – он взглянул на часы. – Сразу скажу, что вытащил тебя не просто так, но об этом позже. Давай начнём с простого – как тебя зовут?

От комбеза и разгрузки не осталось и следа – парень явно не поленился тщательно меня обыскать, даже обувь зачем-то снял. Видимо, насмотрелся голливудских боевиков про ножи за голенищем и спрятанные кобуры и решил перестраховаться. Уже по тому, как он связал мои руки, было видно, что передо мной дилетант, твёрдо уверенный, что чем больше витков сделано вокруг запястья, тем сложнее будет освободиться. Узлы были простейшие, разве что бантика сверху не хватало. Ноги тоже оказались примотаны к низкой металлической спинке, но это не беда при наличии свободных рук, а пока пришлось поддержать разговор:

– Тихий.

– Интересное имя. А меня – Шон Брэди, приятно познакомиться.

Парень улыбнулся. Говорил он безо всякого акцента, на чистейшем русском. Потомок эмигрантов?

– И чего ты забыл в нашем маленьком городке?

– Хочу исправить то, что натворил.

- Так все эти восставшие мертвецы – твоя работа?
- Отчасти – да. Но поверь, я не хотел, чтобы получилось именно так...
- То есть смерть нескольких миллиардов людей не входила в твои планы?
- Все совершают ошибки, – вздохнул Шон. – Я хотел совсем не этого, поверь мне.

Взгляни-ка сюда.

В руке длинноволосый держал небольшой шар, по поверхности которого, как по мыльной пленке, причудливо сновали разноцветные пятнышки.

- Чувствуешь?

Предмет пульсировал, словно человеческое сердце, излучая тепло и спокойствие. Я кивнул.

- И что это?

– Понятие не имею, – хмыкнул Шон. – Я обнаружил эту штуку на раскопках в Карпатах. Наша археологическая группа нашла ни много ни мало – Ноев Ковчег, точнее, то, что от него осталось. Сначала нас просто подняли на смех, а потом... Понаехало столько представителей спецслужб, сколько ты себе даже представить не в состоянии. Группу продержали взаперти около полугода, потом отпустили, взяв подписку о неразглашении. Кстати, я её сейчас нарушил, забавно...

- И как ты смог сохранить этот шар?

– Тут самое интересное, – принялся объяснять длинноволосый. – Едва я взял в руки этот артефакт, как почувствовал силу, которая до этого дремала во мне. Это трудно объяснить, но с помощью него талантливый человек может творить настоящие чудеса!

- Колба с манной, – усмехнулся я. – А ты, стало быть, чародей.

– Да, – кивнул Шон. – С точки зрения современной науки это чистое волшебство. То же самое подумали бы про мобильник, попади он в средние века. Артефакт помогает раскрыть внутренние силы людей, но далеко не всех. Лишь избранные обладают даром, который и в обычной жизни выделяет их из серой массы. Ты ведь такой – чувствуешь опасность, настроение людей... Я тоже с этого начинал.

- И почему же ты не почувствовал меня в магазине?

– Силы не безграничны, а на вашу группу, прости, их ушло неожиданно много. Благодаря тебе, кстати. Думаешь, мне есть дело до этих разведчиков, которые вслепую пытаются найти меня? Убить их – совсем не проблема, как муху прихлопнуть. Я не развлекаюсь охотой, но приходится бить не в полную силу, чтобы выяснить, чего они стоят...

- Ты отбираешь помощников, что ли? После того, что натворил?!

– Всё, что произошло, задумывалось совсем не так... Я был ослеплен могуществом, не умел ещё толком управлять энергетическими полями Земли... Потеря близких в глупой автокатастрофе стала последней каплей. И я решил сделать так, чтобы люди перестали умирать.

Я замолчал, переваривая сказанное. Верно подмечено, что благими намерениями вымощена дорога в преисподнюю, но то, что я услышал, было верхом идиотизма. Хуже свихнувшегося социопата, наделённого огромной мощью, может быть только искренний благодетель.

- И как твои полёты по городам исправят положение?

– Многие из населённых пунктов стоят не просто так, а на пересечении энергетических полей. Я провожу здесь... Некоторое манипуляции, так сказать, чтобы заклятье охватило всю планету. В таких вещах куча ограничений и поправок, нельзя просто взять и сделать то, что хочешь. Ну, например, чтобы успешно телепортироваться, нужно подняться на высоту около ста футов от поверхности земли.

- А чтобы метнуть огненный шар?

– Хитёр, – покачал головой Шон. – Нужно на две минуты застыть в одной позе, аккумулируя энергию. Но не обольщайся, если попытаешься сделать глупость, у меня в запасе есть вот это.

Он щелкнул пальцами, и из них вырвалась яркая искра, проделавшая маленькую дырочку в крыше.

– Интересно. Именно этой штукой ты убил парня из моей группы?

– Я просто оборонялся. Вы же со мной не чай пить шли, с мечами и арбалетами! А мне позарез нужно закончить все приготовления. Мёртвые наконец упокоятся, а живые вздохнут спокойно. Поверь, если этого не сделать, – человечество обречено. Зомби будут продолжать мутировать, питаясь человеческим белком, и рано или поздно сметут остатки выживших.

– Пока что-то этого не наблюдаю. Незаражённых людей осталось мало, основная масса упырей отъелась в первые дни эпидемии. А обычные зомби существенной угрозы не представляют – слишком медлительны и неповоротливы. Только твои прилёты заставляют всю эту разношёрстную толпу покидать города.

– Боюсь, скоро такое начнётся везде и без моей помощи. Времени осталось мало, в одиночку я могу и не справиться. Пожалуйста, забудь о своих потерях и подумай о тех, кто ещё жив на этот момент – без нашей помощи у них нет шансов. Пусть Немезида сегодня отдохнёт, доверься голосу разума.

– Разум подсказывает, что этой штукой вряд ли можно сделать что-то хорошее, – я покачал головой. – Кто знает, может, старина Ной просто хотел полить свой огород волшебным дождиком с неба. А получилось так, что нет ни одного народа на Земле, в мифологии которого не присутствовал бы Великий потоп.

– Ты слишком категоричен, – вздохнул Шон. – Подумай над этим, а я пока делами займусь.

Едва он закрыл за собой скрипучую дверь, как я принялся за путы. Свяжи парень запястья специальным узлом, шансов практически не было бы, а эти ослабли после нескольких минут работы. Руки, обильно смазанные кровью из ссадин, отлично скользили по бечёвке – ещё один минус капрона.

Чтобы отвлечься от боли, я обдумывал услышанное. В артефакт и магию верилось слабо, хоть я и чувствовал исходящие от шара потоки энергии, а в остальное не верилось совсем. Катастрофа разразилась не за один день, и Шон должен был увидеть плоды своих трудов, колеся из города в город. Начнись эпидемия лишь в нескольких небольших населённых пунктах, её бы остановили, в этом полковник прав. Отсюда вывод – парень целенаправленно заражал как можно больше людей, а значит, и сейчас ни черта не стремится всё исправить.

Он хочет закончить начатое.

Освободившись, я принялся обшаривать цех в поисках оружия. Нашлось немало полезных инструментов, подходящих для умерщвления спятивших волшебников. Прикидывая, что выбрать из этого разнообразия, я наткнулся взглядом на импровизированную деревянную мишень на стене, в которой торчал самодельный нож. В принципе, ничего удивительного; когда вокруг куча станков и металла, как ещё развлечься трудягам в свободное время? Балансировка, конечно, отставала от заводских моделей, но на короткое расстояние нож можно было метнуть без потери в точности.

А что дальше? Бегать по цехам в надежде, что первым почувешь врага... Но против меня будет сильный, отдохнувший убийца, чуйка у которого наверняка выше. Такого можно взять только неожиданной атакой.

И третьей попытки никто мне не даст.

Я улёгся обратно и глубоко вздохнул, пытаясь успокоить ритм сердца. Пусть Шон проводит свои манипуляции; он потратит силы и войдёт сюда, не ощущая опасности, а там посмотрим. Лишь бы Солнечный успели эвакуировать...

Длинноволосый вернулся через полчаса, вытирая взмокший лоб. Никакой ненависти я к нему не испытывал, только сожаление. Мне было действительно жаль этого парня, запутавшегося в собственном всесилии.

– Ну, что ж, – вздохнул он. – Раз ты так решил...

И тут я понял, что не могу пошевелить даже пальцем. Хотел резко вскочить, но оказался вдавленным в кушетку неведомой силой ещё до того, как Шон переступил порог.

– Неплохо, ты оказался сообразительнее остальных.

– Мне это часто говорят.

– Очень жаль, что мы не нашли общего языка, столько времени впустую...

– Зачем ты...

Договорить я не успел. На грудь будто навалилась бетонная плита, стало трудно дышать, и в голове гулко застучала кровь. Чувство опасности хранило безмятежное молчание, будто я в посёлке консервы на рынке выбираю, а не задыхаюсь от нехватки воздуха. Неужели конец?

Шон стоял рядом и участливо наблюдал, как я сопротивляюсь давлению на тело. Как же, не наслаждается он убийствами...

В дверном проёме мелькнул чей-то силуэт, который я едва рассмотрел за красной пеленой, застилающей глаза. Шон развернулся за долю мгновения до того, как арбалетный болт должен был пробить ему затылок, и шарахнул в сторону двери ветвистой молнией.

Плита пропала, будто и не было. Я приподнялся и метнул зажатый в руке нож, вложив в этот бросок все оставшиеся силы. Чародей, уловив движение, успел вскинуть руку, и в меня попала давешняя искорка, пронзив грудь раскаленным прутком боли. Мышцы свела судорога, как от удара током, а перед глазами заплескались разноцветные круги.

Спустя три мучительных вдоха я понял, что жив, – мёртвым наверняка не бывает так больно. Кое-как сполз с кровати прямо на пол, – почему-то организму показалось, что именно там ему станет немного легче. Грудь болела нестерпимо, но сознание понемногу прояснялось. Первая рациональная мысль была о том, что я всё-таки попал, раз других попыток меня убить Шон не предпринял. Но почему я ещё живой?

Пришлось посмотреть вниз. Вопреки ощущениям, обожжённой дырки размером с кулак не обнаружилось – но крестик, подаренный Марией, даже не расплавился, а просто испарился, оставив на коже глубокий ожог в форме распятия. Интересно, какова была вероятность, что эта чёртова искра попадёт именно в него...

А вот волшебнику повезло меньше. Нож вошёл в грудь в области сердца – Злата, обучавшая меня метанию, была бы довольна. Липкая лужа под худым телом разрасталась с каждой секундой, и никаких признаков жизни Шон не подавал.

Из-за дверей послышался сдавленный стон моего спасителя. Его костюм из материала, похожего на фольгу, обуглился от сильного разряда, видимо, приняв на себя основной заряд молнии. Удар в меня такая, и никакой крестик бы не спас. Рядом валялась конструкция, напоминавшая корону, с витками разноцветной проволоки по периметру. Занятная штука, если учесть, что ни я, ни Шон не почувствовали незваного гостя.

– Коля, ты мне так и не ответил, из какого ты объединения?

– Это не важно... – через силу улыбнулся эксперт. – Когда у Немезиды выходной, мы работаем на подмене...

– Я могу тебе чем-то помочь?

– Разберись с даром Пандоры...

– Интересно, как?

Но Николай уже потерял сознание. Будь у меня аптечка – плюнул бы на всё и попытался помочь, а так...

Шар закатился под ближайший верстак, откуда его пришлось доставать с помощью совка. Теперь, когда артефакт оказался у меня в руках, я смог рассмотреть его поближе. Цветные пятнышки хаотично перемешивались на поверхности, притягивая взгляд не хуже спирали гипнотизёра. Шар оказался довольно увесистым и холодным на ощупь, будто горный хрусталь.

По руке побежало приятное тепло, обожжённая грудь почти перестала болеть, тело наполнялось силой и... мощью. Казалось, что по плечу любая задача, нужно только захотеть...

Одним усилием воли я расширил границы чувствительности, накрыв ею весь город. Я был вездесущ и незрим, это чувство опьяняло сильнее любого алкоголя. Пустые улицы, парки, аллеи... Ещё одно усилие, и я вижу осаждённый посёлок, окруженный беснующимся морем мёртвой плоти. Эвакуация не закончилась, вертолёты должны вот-вот подойти. Андрей, как всегда, оказался на передовой, – припав к раскалённому пулемёту, поливает свинцом наступающих зомби и тихо матерится сквозь зубы. Возле него, как ни странно, Рафик с «Сайгой», прикрывает от особо ретивых упырей, вскарабкавшихся на высокую стену. В нескольких местах мертвяки уже прорвались, их пытаются сдержать огнём с борта ЗИЛа, который мечется по Солнечному, будто эритроцит в зараженной крови...

Мария единственная не принимает участие в обороне – она тихо сидит в своей комнате и молится. За Калину, Злату, Николая... За меня.

«Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы на сопротивных даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим...» – голос девушки прозвучал в голове так, будто она стояла за спиной.

Резкая боль в груди грубо возвратила с небес на грешную землю. Я обнаружил себя сидящим на корточках, обхватив проклятый шар обеими руками. Тело ломило так, будто я всю ночь разгружал железнодорожные вагоны, а наутро пробежал пару десятков километров. Эта штука, похоже, питалась исключительно силами оператора.

– Нет, Шарик, хватит людям мозги морочить.

Я тяжело поднялся и завернул артефакт в первую попавшуюся тряпицу. Ударить по нему молотком? Вряд ли создатели сделали его настолько хрупким, но поблизости, к счастью, находилась машина, которой глубоко чихать на крепость материала. От слабости подгибались колени, но идти было недалеко – всего-навсего на первый этаж.

– Знаешь, Шарик, а ведь здесь работал мой дядя, до того, как ты попал в руки бедняге Шону. Дядя всегда старался помочь людям... Его укусила инфицированная женщина, мы тогда ещё не понимали, насколько это серьёзно...

В излучении шара появились тревожные нотки. Может, он и не был разумным, но инстинкт самосохранения у него явно присутствовал. Я добрёл до лестницы и, крепко держась за поручень, начал спускаться вниз.

На первом этаже гулял ветер, пробираясь через разбитые окна. Всё вроде было на месте, только кран-балку кто-то сбросил с полозьев, придавив несколько зомби. Мерзко воняло тухлятиной.

– Я всё не понимал, как Он мог допустить такое – гибель стольких людей. А оказалось, мы сами во всём виноваты, как всегда... И ты, Шарик, тоже виноват.

Распределительный щит оказался прямо под лестницей. На то, чтобы пустить напряжение на нужную линию станков, ушла пара минут, но я чувствовал – нужно спешить.

– А вот и наша красавица, – поведал я артефакту, приблизившись к нужному агрегату. – Электрогидравлический пресс-молот, гордость завода. Ты не смотри, что машине третий десяток, мощности у неё через край.

Со стороны улицы начал нарастать раздражённый клёкот-шипение. Я торопливо забросил шар в приёмник, закрыл заслонку и запустил цикл. Машинный зал наполнился басовитым рокотом, заглушая все остальные звуки, а массивная плита медленно поползла вверх.

– Прощай, Шарик.

Через широкие оконные проёмы в цех принялись влезать первые упыри. Их медлительные собратья толпились возле ворот, пытаясь протиснуться в щель между створками. Между тем, пол под ногами завибрировал от мощи, которая сейчас должна была обрушиться на проклятый артефакт.

Остановить этот оживший осколок прошлой эпохи было очень сложно. Кабель, питающий пресс, шёл через толщу бетона, а чтобы повредить механизм, нужно вскрыть металлический защитный кожух. А это особенно трудно, когда оператор станка – против. Я подхватил с пола кусок арматуры поувесистей и, впервые за полгода, прошептал:

– Отче наш, иже еси на небесах...

* * *

Пулемёт бессильно лязгнул и замолк. Андрей ругнулся, сжав обожжённую ладонь в кулак:

– Коробку, я пустой!

– Больше нет, – констатировал позади сержант Володько и протянул автомат.

– Трындец. – Рафик лихорадочно сменил магазин. – У меня тоже последний.

– Крайний, – поправил Петрович и срезал упыря короткой очередью.

– Где же эти чёровы вертушки... Неужели не прилетят? Говорил я, нужно было колонну снарядить...

– Смотрите!

Над городом медленно разгоралось ослепительно-белое зарево.

– Вспышка справа! – заорал Андрей, спрятавшись за мешками с песком.

Только там он сообразил, насколько глупо поступает. Раз боеголовка рванула в черте города, ударная волна дойдет сюда через несколько секунд, тогда и бетонный бункер не поможет. Рядом плюхнулся Рафаил с перекошенным от ужаса лицом.

– К-как же так, они ведь обещали...

«Что делать, если рядом с вами рванула ядерная бомба?» – неожиданно всплыло в голове.

«Повернуться туда и посмотреть напоследок, когда ещё такое увидишь!»

Лидер посёлка усмехнулся и устало прикрыл глаза. Сияние нарастало с каждой секундой, проникая даже сквозь плотно сомкнутые веки. Андрей хотел прикрыть лицо ладонью и с удивлением увидел кости запястья, окруженные тёмной каймой плоти, прямо как на рентгеновском снимке. Сбоку стонал Петрович, выглядевший сейчас как пособие для студентов-медиков.

– Вот и всё, – вздохнул Андрей и удивился, насколько чётко прозвучал его голос.

Сияние, между тем, резко пошло на убыль, и веки вновь стали непрозрачными. Дышалось по-прежнему легко, а он, по идее, уже должен был выплёвывать собственные лёгкие. Андрей подождал немного и открыл слезящиеся глаза. Цветные зайчики проморгались не сразу, но зрение всё-таки частично вернулось, чего в принципе не могло быть при таком мощном излучении. Первым делом мужчина взглянул в сторону города, ожидая найти на его месте вспухающий ядерный гриб, но увидел лишь чистое вечернее небо.

– Я уже умер? – робко поинтересовался Рафаил, поднимая голову.

– Не надейся, – отмахнулся от него Андрей, завороченно смотря на защитную стену посёлка.

Несколько мертвяков успели преодолеть её, воспользовавшись замешательством защитников посёлка, и теперь лежали бесформенными кучами костей и стремительно гниющей плоти. Потянуло мерзким запахом разложения.

– Батя, это вышка, – прохрипела рация. – За периметром тихо. Что это творится с упырями?

– А хрен его знает, – честно ответил Андрей. – Похоже, нам всем дали второй шанс.

Он улыбнулся и размашисто перекрестился.

– Спасибо тебе... Тихий.

Дмитрий Силлов

Z – значит зомби

(Из цикла «Роза миров»)

– Какого кутруба тебе надо от меня?

Она рванулась, но я держал ее крепко.

– Если хочешь жить, не стоит ходить по старым кладбищам. Видишь эти знаки? Z – значит зомби, пора уже знать такие простые вещи.

– Но здесь похоронены мои папа и мама! И мне наплевать на знаки, которые выставили слуги Чистильщиков. Я ходила сюда и ходить буду!

Девчонке было от силы лет пятнадцать, но храбрости ей точно не занимать. Прийти вечером в эдакое поганое место, вокруг которого расставлены красноречивые знаки с литерой «Z» – на это не каждый мужик решится. Да и днем никто не рискнет подойти к вычурной кладбищенской ограде, уже местами рассыпавшейся от коррозии, – ржавчина моментом сжирает все, к чему прикоснутся грязные лапы Низших.

– Кладбище заражено, – терпеливо пояснил я. – Один из проклятых мутантов, которых люди теперь называют магами Земли, повадился оживлять здесь мертвецов. Теперь это его вотчина до тех пор, пока мы не поймем его.

– И это поможет? – криво усмехнулась девчонка.

– Поможет, – терпеливо кивнул я. – Сначала колдуну отрубают обе ноги, чтобы он не смог убежать. Потом рассекают туловище по диагонали, слева направо, деля при этом сердце на две половинки. И лишь после этого отсекают голову. Это старый способ для уничтожения магов Земли и их отродий, которых колдуны поднимают из могил для служения себе.

– Я знаю, – кивнула она. – Казнь Z исполняется тремя ударами меча. Ее проводит самый сильный из Чистильщиков округа. У тебя широкие плечи и мощные руки. Тебе приходилось быть палачом, незнакомец?

Кутруб ее побери, девчонка оказалась проницательней любой гадалки! Мы не ходим большими отрядами, бряцая доспехами и тыча факелами в темноту, как туповатые городские стражники. Мы скрытно патрулируем зараженные территории, чтобы не спугнуть тех, на кого охотимся. Но она просчитала меня быстрее самого опытного воина. Мало ли кто проходит мимо кладбища в сумерках, завернувшись в плащ. Скажем, припозднился человек в кабаке, спешит себе короткой дорогой домой, и вдруг видит девочку-подростка, собирающуюся пролезть сквозь дыру в ограде. Чем не версия? Так нет, вычислила с ходу, будто у меня на лбу написано, кто я есть на самом деле.

– Ну так как? – напирала девчонка, сверкая глазами. – Покажешь мне свои ладони, добрый человек, заботящийся о ближних своих? Или же окажешься лицемерным ублюдком, таким же, как все Чистильщики, боящиеся своего прошлого, настоящего и будущего?

– Мне нечего бояться, – сказал я, протягивая ладони вперед. – Да, мне приходилось проливать кровь – и красную, и черную, которая течет в жилах живых мертвецов. И я не стыжусь этого.

Ей хватило лишь одного взгляда, чтобы удостовериться. Шрамы на моих ладонях не оставляли сомнений – два знака Z, выжженные раскаленным железом. Один старый, едва видимый. Второй свежий, все еще порой напоминающий о себе, если сжать кулак слишком сильно. Так метит гильдия Чистильщиков веры своих лучших воинов, готовых исполнить любой приказ.

– Палач, заслуживший оба шрама... – еле слышно прошептала девчонка. – Один из лучших... Нет, самый лучший.

Ее осведомленность начала меня настораживать. Девчонка знала о ритуальных казнях и тайных знаках Гильдии и не боялась шататься по ночам вблизи проклятого места. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: она слишком непроста для обычного ребенка...

– Кто ты? – негромко спросил я, кладя ладонь на рукоять меча, скрытого полостью плаща.

– Я самая обычная дочь своих родителей, – бесцветным голосом произнесла девочка. – Та, которая семь лет назад сумела спрятаться, когда ты убивал кладбищенского сторожа и его жену в Стоунхенде. Помнишь их, Палач?

Я пожал плечами. Мало ли кого мне приходилось убивать за годы служения в гильдии Чистильщиков. Хотя... Ну да, помнится, было что-то такое. Некий колдун из Низших проклял кладбище, и я зачистил там всё, что двигалось. Славное было время, не то что сейчас, – патрулируешь территорию целыми днями, словно какой-нибудь неопит, а ночной смены все нет и нет...

– Я просто выполнял приказ, – проговорил я, следя за каждым движением маленькой бестии.

Ее глаза не нравились мне все больше. Они менялись, становясь похожими на мутные стеклянные шарики, вживленные под веки. Такие превращения порой случаются с глазами живых после того, как они умрут. И такими они остаются, если мертвец вдруг вылезет из могилы и пойдет себе шляться по земле в поисках сладкой и теплой живой человеческой плоти...

Меч зашипел, вылетая из ножен. Я слышал, что зомби, оживленные магами Земли, могут ненадолго маскироваться под живых. Но, признаться, не ожидал, что эта маскировка бывает столь правдоподобной. Что ж, тем не менее, я вычислил очередную тварь. Теперь осталось лишь проделать будничную рутинную работу...

Меч взлетел вверх... но удара не последовало.

Нет, жуткий ночной монстр не бросился в сторону, пытаясь уйти от сверкающего клинка. Девчонка стояла на месте, глядя на меня своими мертвыми шариками и протягивая небольшое зеркальце. Это было настолько необычно как для живого, так и для мертвого, что я невольно остановил удар.

– Взгляни, – проговорила она. – Посмотри на отражение собственных глаз, доблестный Чистильщик веры. А после можешь убить меня. Или себя.

Маленькое зеркало ярко блесло в свете только что взошедших Сестер – двух лун моего такого несовершенного мира. Сам не знаю почему, но я посмотрел... и отшатнулся.

Впервые в жизни меч выпал из моей руки, но это меня ни в коей мере не волновало. Потому что там, в зеркале, я увидел себя. Свои глаза, похожие на мутные стеклянные шарики, вживленные под веки. И свой белый плащ с глубоким капюшоном – саван, в котором Чистильщики веры хоронят своих лучших воинов.

– Удивительно, что ты не заметил всего этого раньше, правда ведь? – усмехнулась девочка, обнажив ряд крупных, острых зубов. – Мертвые не видят того, что не хотят видеть, пока их не ткнут носом в очевидное. В этом они очень похожи на Чистильщиков веры. Хотя последние не верят и очевидному, пока лично не познакомятся со смертью.

Она говорила что-то еще, поднимая с земли мой меч, но мне было уже все равно. Я всю жизнь боролся с нечистью, но умер – и сам превратился в чудовище. Высшие, которым я служил верой и правдой, не сочли нужным подарить мне достойную смерть. Так что теперь мне абсолютно нет дела до того, что ночной монстр с неженской силой замахивается моим мечом и со знанием дела наносит первый удар...

Я слышал, как хрустят мои кости, разрубаемые остро отточенной сталью, видел, как мое туловище, лишенное ног, падает на землю... и радовался. Эта зомби хорошо подготовилась к посмертной мести, ее первый удар был совершенен. Осталось еще два, и я уверен, что она не промахнется...

– Отличная работа, коллега.

В сморщенную ладонь старика-некроманта лег упругий кожаный кошель.

Они стояли в тени деревьев неподалеку от древнего кладбища, вдоль которого были расставлены предупреждающие знаки со злобещей литерой «Z».

– Скажите, в какой срок вы сможете подготовить сотню разумных зомби, способных запудрить мозги лучшему из воинов и позволить тому зарезать себя, словно барана?

Старый колдун покачал головой.

– Боюсь, что это будет нескоро. У девочки была слишком мощная мотивация. Настолько мощная, что она добровольно согласилась умереть, лишь бы после своей гибели отомстить за смерть родителей.

– Кутруб побери! – кулаки верховного мага гильдии Чистильщиков веры с хрустом сжались. – Я не для того плачу вам огромные деньги, чтобы через полгода работы получить результат в виде малолетки, размахивающей мечом. Для этого я могу задействовать кучу идиотов из городской стражи, которые справятся с боевым оружием не хуже вашей мотивированной зомби!

– Сомневаюсь, что все стражники Стоунхенда смогли бы справиться с Палачом, – негромко произнес маг. – До сих пор удивляюсь, как легко вы отправили на смерть своего самого искусного воина и самого преданного слугу.

Верховный маг с досадой махнул рукой, взглядываясь в темноту. Там, освещенная светом двух лун, хрупкая девочка-зомби, умело орудуя мечом, разделявала на куски труп лучшего воина гильдии Чистильщиков веры.

– Хммм, признаться, я не верил, что мелкая мертвая соплюшка уделает Палача, – пробормотал верховный маг. – Но в то же время я ни о чем не жалею, иначе невозможно было проверить эффективность вашей работы. Если мне предложат убить всех воинов гильдии и наделать из них непобедимых мертвецов-псиоников, я соглашусь не задумываясь. Цель оправдывает средства. Уверен, Высшие со мной согласились бы.

– Думаю, вы сможете проверить и это, обратившись к Высшим лично через пару минут, – проговорил старый некромант.

– Не понимаю, о чем вы, – обернулся маг и замер, не веря своим глазам.

С лица старика медленно сползала кожа, под которой уже явственно угадывалось лицо... Палача. Того самого, чей труп сейчас в трех сотнях шагов отсюда расчленяла девочка-зомби.

Верховный маг не растерялся. Его рука скользнула за пазуху, где в специальных потайных кармашках лежали приготовленные загодя компактные боевые заклинания.

Но Палач оказался быстрее. В его руке блеснул старинный пистолет – оружие малоэффективное в Центральном мире¹, где даже самый слабый маг знает простейшее заклинание, губительное для огня и пороха. Но для любого из миров действует простое правило – кто быстрее применил свое оружие, тот и остался в живых.

Сухо твякнул выстрел, и верховный маг гильдии Чистильщиков веры упал на землю с аккуратной дыркой между глаз и неаккуратным выходным отверстием на затылке.

Палач сунул пистолет в кобуру и плюнул на труп своего бывшего господина.

– Ну что, убедился?

Девочка стояла рядом, а в трехстах шагах впереди медленно растворялся мёрдок – уже ставшая полупрозрачной тень зомби, машущей неподъемным мечом, и смутный призрак расчлененного трупа возле ее ног.

¹ Те, кто желает побольше узнать о Центральном мире, в котором происходят события данного рассказа, могут прочитать роман Дмитрия Силлова «Закон дракона» из серии «Роза миров».

– Да, – кивнул Палач. – Ты была права. Ради минимальной выгоды Чистильщики готовы послать на смерть любого из нас.

– В это не верится до тех пор, пока правда не коснется тебя самого.

– Согласен, – отозвался бывший член гильдии. – Какую плату ты хочешь за свою правду?

– Никакой, – покачала головой зомби. – Ты убил моих родителей, выполняя приказ. Сейчас же ты отправил в худший мир того, кто этот приказ отдал. Теперь мы в расчете.

Девочка повернулась в сторону кладбища, явно намереваясь уйти.

– Подожди, – проговорил Палач.

– Что еще? – обернулась зомби.

– Зеркало... Дай мне еще раз взглянуть в него.

– Не веришь? – усмехнулась она, протягивая требуемое. – Смотри.

Воин с опаской взглянул в зеркальце.

Уффф... Знакомые черты лица без малейших признаков мертвенной бледности и помутнения глаз. Он все еще оставался человеком. Да только надолго ли? Старое поверье гласит, что тот, кто беседовал с мертвецами, сам вскоре станет одним из них.

– Скажи, а много еще таких, как ты, бродит по Центральному миру? – поинтересовался он, протягивая зеркальце обратно.

– В смысле – таких, как я?

– Мертвых псиоников. Разумных и красивых, так похожих на живых людей... И сильных, как тысячелетний мертвец, поднявшийся из могилы.

– Боюсь, что нет, – покачала головой девушка. – Я добровольно умерла для того, чтобы стать такой. Думаю, мало кто отважится на подобное.

– Ты ошибаешься, – задумчиво проговорил воин. – Гильдия была для меня всем. Она вырастила меня и сделала тем, кто я есть сейчас. Но сегодня я убил своего начальника, и теперь они найдут меня, где бы я ни скрылся. Моего искусства будет мало для того, чтобы противостоять всей гильдии Чистильщиков веры...

По его застывшему, напряженному лицу было видно: воин готов принять непростое решение. Пожалуй, самое непростое в его жизни.

– Ты хочешь умереть добровольно для того, чтобы стать таким, как я?

– Это возможно?

– Пожалуй, что да, – задумчиво проговорила девушка. – Низший колдун, выполнивший мое желание, сказал, что я сама смогу оживлять мертвецов. Перережь себе горло, и я наделю тебя силой Земли, равной моей.

И, уловив недоверчивый взгляд Палача, добавила:

– Любой женщине, даже мертвой, нужен спутник.

– Будь по-твоему, – усмехнулся Палач, доставая кинжал из ножен. – В любом случае я ничего не теряю.

Его удар был точен – рука, годами тренированная на фатальный удар, не дрогнула. Воин упал на землю и умер, быстро и безболезненно. Когда знаешь, куда и как бить, зачем мучить себя лишними страданиями, которых и без того было слишком много?

Девушка смотрела на два трупа, лежавшие возле ее ног, но в ее душе было пусто. Может, потому, что у нее не было души?

Услышав шаги за спиной, она обернулась.

Отец и мать были прекрасны. Точно такие, какими она запомнила их в детстве. Сила Земли способна возрождать и преобразовывать даже полностью разложившиеся трупы.

– Месть свершилась, – торжественно произнес отец.

– Да будет так, – добавила мать.

«Великий Мастер, до чего ж они старомодны», – подумала девочка, вытаскивая меч из ножен Палача.

– Что ты собираешься делать, дочь моя? – поинтересовался отец.

– Отойди, папа, – безразличным голосом произнесла девочка. – Я просто не хочу, чтобы однажды кто-нибудь вдохнул в этих двоих силу Земли. А для этого нужно нанести всего-навсего шесть ударов. По три на каждого.

Григорий Дондин Шутка старого Ван Тага

В темной аллее непрестанно дребезжал голос Эца Ван Тага, произвольно меняющий тональность и громкость, то и дело срывающийся на визг. Замшелый колдун, древний, как и его ремесло, так износил свое тело, что уже не мог контролировать голосовые связки. Он говорил, говорил, говорил. Бесконечные потоки блеющих, хрипящих, свистящих слов лишь изредка прерывались кашлем. Герцогиня Лоэль, плетущаяся следом за колдуном, думала, что старик утрачивает контроль не только над голосом, но и над разумом – такими нелепыми и бессмысленными казались его рассуждения.

– Природа всех вещей в нашем мире двойственна, – блеял он. – В любых бестелесных энергиях можно обнаружить свойства материи, а всякая материя так же обладает и свойствами энергии. Вспомните об этом, молодая госпожа, когда будете смотреть в зеркало. Ваше прехорошенькое тело только кажется плотным и осязаемым, а на деле оно суть энергия, которой вздумалось загустеть в такой очаровательной форме...

Бред маразматика!

Герцогиня смотрела на черный силуэт старца впереди себя и чувствовала злость. Колдун семенял крошечными шажками. Сантиметров по десять, не больше. Трясущаяся правая рука опиралась на трость, стучащую по каменным плитам. Левой он широко отмахивал, будто гвардеец на параде. Шел, отключив зад и вздернув подбородок, тратя больше энергии на болтовню, чем на продвижение вперед. Герцогиню так и подмывало подогнать Ван Тага хорошим тумачком. Подобрать подол, чтоб не мешал замаху, и лягнуть от души.

Она вспомнила, что в начале Скорбной аллеи, укрытая от глаз кустами бузинника, стояла деревянная будка. Смотритель хранил там садовый инструмент. Лопаты, вилы, грабли и еще тачку на одном деревянном колесе, обитом железными полосами. Почему она сразу до этого не додумалась? Прекрасная мысль, родившаяся, как водится, с опозданием на полчаса. Если бы она усадила иссохшего старца на садовую тачку и повезла, толкая перед собой, они уже давно были бы на месте. Картина, вставшая перед мысленным взором, вызвала у герцогини нервный смех.

– Что вы сказали, молодая госпожа? – переспросил Ван Таг, останавливаясь и начиная поворачиваться к ней всем телом. Медленно, неуклюже.

– Солнце взойдет раньше, чем мы доберемся до склепа, – проворчала герцогиня Лоэль. – Ты можешь идти быстрее, старик? Хотя бы немного?

Ван Таг шумно вздохнул. Голова, увенчанная высоким цилиндром, сокрушенно качнулась.

– От чего жизнь не течет в обратную сторону? – спросил он, непроизвольно взвизгнув на последнем слове. – От дряхлой немощи к цветущей юности? Тогда молодые уважали бы стариков. Сложно понять страдание, которого не испытал на себе.

– Время, Ван Таг! Ночь не бесконечна, а нам еще многое нужно сделать.

– Время! Сколь многое я могу рассказать о его природе, и как я беспомощен перед его неумолимым бегом! А известно ли вам, молодая госпожа, что время... – слова, слова, слова.

Крышка саркофага из чистого золота отъехала в сторону, потревожив тишину склепа неприятным скрежетом. Почему-то этот режущий звук никак не вязался с благородным металлом, который его издавал. Герцогиня мельком взглянула на почерневшее, раздутое лицо мертвеца, вдохнула смрад разложения и отшатнулась. Здесь было множество масляных светильников. Хорошо, что она позволила Ван Тагу зажечь только один. И все равно для подобного

зрелища света было слишком много. Золото отражало лучи единственного огонька. Оно было здесь повсюду – от потолка до пола. Правители герцогства Лонге, на территории которого находилось пять самых крупных золотых приисков северного побережья, могли позволить себе такую фамильную усыпальницу. Снаружи она выглядела, как сильно уменьшенная копия замка Лонгеферт из черного мрамора, а внутри была сплошь отделана золотом.

– Не стоит бояться, – заблеял колдун. – Однажды этот саркофаг станет прибежищем и для ваших костей, молодая госпожа. Ваше тело омоют, оденут в лучший наряд и уложат в объятия мужа. Не так, как сегодня, на краткие минуты. Уложат навсегда.

– Замолчи хоть ненадолго, старик! – полувзмолилась, полуприказала герцогиня.

Собравшись с духом, она вновь заглянула в саркофаг, невольно сдерживая дыхание. Один глаз старого герцога был открыт. Подернутый мутной пленкой зрачок пялился в золотой потолок. Странное дело, после смерти у герцога начала отрастать борода. Длинная седая щетина пучками торчала из расползающихся щек. Какая мерзость!

– Меня всегда забавлял тот факт, что ногти и волосы продолжают расти после смерти, – продребезжал Ван Таг, будто прочитав ее мысли. – Как если бы гибель организма не затрагивала их вовсе. Герцог мертв, но его ногти живы!

Колдун гаденько захихикал.

– Я не смогу, – прошептала Лоэль. – Эта вонь, ледяная кожа...

– Он не должен быть слишком холодным, – возразил старик. – При гниении плоти выделяется некоторое тепло, а что до остального, я дам вам наркотик, который поможет не думать и не чувствовать какое-то время. Потом вы даже и вспомнить толком не сможете, как будто и не было ничего.

– Кажется, меня сейчас стошнит, – едва слышно пожаловалась Лоэль, на шаг отступая от саркофага. – Ноги совсем ватные сделались.

– Вы сами все это придумали, молодая госпожа. Впрочем, мы еще можем остановиться, – сказал Ван Таг, а его дрожащая левая рука уже протягивала герцогине сухую желтовато-зеленую веточку какого-то растения. Наркотик. Кто-кто, а Эц Ван Таг знал толк в наркотиках и ядах. Доказательство тому лежало сейчас в золотом саркофаге и жутко смердело. Первый алхимик короля, приехавший в Лонгеферт специально для освидетельствования тела внезапно скончавшегося герцога, не нашел никаких следов отравления. Лоэль вдруг задумалась: насколько же в действительности стар этот замшелый злодей в высоком черном цилиндре? Сколько неверных жен и садистов-мужей умерло от приготовленных им порошков и настоек, сколько иных преступлений совершилось с его участием? Ван Таг как-то обмолвился, что видел Рыцарей Грани во всем их величии. Здесь он, конечно же, врал. Или бредил. В летописях говорилось, что рыцарей, берегущих границу между Рукой и Арахной, сокрушили тысячу двести лет тому назад. Столько не мог прожить даже такой колдун, как Эц Ван Таг. Но лет сто тридцать – сто сорок ему было точно.

– Ты ведь не думаешь отравить и меня, старик? – спросила Лоэль, надеясь женским чутьем отличить ложь от правды в его ответе.

– О, нет! Мне гораздо интереснее понаблюдать за придуманным вами экспериментом, молодая госпожа. Гораздо интереснее! Вы не передумали? Нет? – тусклые глаза Ван Тага на мгновение вспыхнули хищным огнем.

Лоэль взяла сухую веточку из трясущейся руки и с сомнением поднесла ко рту.

– Вы не передумали, – с облегчением констатировал колдун.

– Мое слово спасло тебя, когда попы раздували костер под столбом, к которому ты был привязан. Помни об этом и делай, что должен, – стараясь придать голосу твердость, сказала герцогиня Лоэль.

– Вряд ли в тот день вами двигало милосердие, молодая госпожа. Думаю, вы уже тогда замыслили все это. Неосознанно, разумеется.

– Хватит слов, старик. Начинай свое колдовство.

Над горизонтом уже серел рассвет, когда герцогиня Лоэль, пошатываясь, выбралась из склепа. Одной рукой она неуверенно придерживалась за стены, а другой механически оправляла платье, испачканное и порванное в нескольких местах. Не глядя на поджидающего сна-ружи Ван Тага, она побрела куда-то в сторону. Сошла с каменных плит Скорбной аллеи на мягкую, холодную от росы траву и рухнула на четвереньки.

– Мне никогда не отмыться... – тихо простонала она, и ее тут же вырвало. – М-м-мерзость!

Эц Ван Таг с довольным видом покосился на склеп, откуда доносилось тихое неритмичное шарканье и глухое мычание. Потом засеменил к герцогине.

– Угомони его! – потребовала Лоэль, отползая от дурно пахнущей лужи. – Угомони его, старик! После смерти он стал еще злее и похотливее, чем при жизни.

– Разумеется, молодая госпожа! – с нотками ликования в вибрирующем голосе отозвался колдун. – Смерть причудливо влияет на человека. Она выделяет и обостряет самые яркие черты характера, напрочь стирая все остальное...

– Угомони его! – выкрикнула герцогиня.

– Хорошо. Сейчас я повторно упокою вашего мужа. И ни к чему так волноваться. По-моему, все прошло просто великолепно, – колдун медленно развернулся, стуча тростью и часто перебирая ногами. Ему удалось проделать половину пути до входа в склеп, когда герцогиня Лоэль тихо и властно сказала:

– Стой!

Она поднялась на ноги, но ее по-прежнему пошатывало. Небесный купол быстро пропитывался утренним светом. На левой щеке герцогини блестела слеза.

– Скажи, старик, скажи мне еще раз, что все получится. Я хочу это услышать.

Ван Таг вновь начал долгий разворот на одном месте.

– Говори, старик! Я ненавижу звук твоего голоса, но сейчас ты должен говорить.

– Я честен с вами, молодая госпожа. С самого начала я без утайки описал вам истинное положение вещей и теперь могу лишь повторить сказанное прежде. Я хороший некромант, молодая госпожа. Пожалуй, лучший из тех, кого еще не отправили на костер. Однако же, мне так ни разу и не удалось провести полноценный эксперимент в области скрещивания живых и мертвых. До стадии рождения дело доходило только в опытах со зверушками. Как правило, результат оказывался удовлетворительным. Но были и другие случаи, когда из оплодотворенной самочки вылезало такое, что вам лучше и не знать. Не думайте сейчас о плохом, молодая госпожа. Этой ночью я учел весь свой немалый опыт, предусмотрел все, что только возможно, и теперь почти уверен в благополучном исходе. Отправляйтесь спать и ничего не бойтесь. Самое страшное позади.

– Проклятый колдун! – выдохнула герцогиня.

– На самом деле вы злитесь не на меня. Я не более чем инструмент в ваших руках. С чего бы плотнику злиться на свой топор за то, что приходится каждый день отесывать бревна? Но, признаться, мне по душе ваш творческий и отчаянный образ мыслей. Я с радостью исполняю любые ваши поручения.

Ван Таг скрылся в склепе, а герцогиня еще долго не двигалась с места. Стояла, подставляя лицо свежему утреннему ветерку. Лишь тот, кто выбрался из смрада, способен по достоинству оценить всю прелесть чистого воздуха. Только бы все получилось, думала она. Только бы старик не оплошал и ничего не напутал! Она так много вытерпела, стараясь женить полусумасшедшего, злобного и жестокого герцога на себе. Столько слез пролила, уже будучи его женой. Пережила два выкидыша, явившихся следствием побоев. Решилась на убийство, в конце концов. И тут эти проклятые буквоеды выискали в своих книгах закон, по которому бездетная

жена не может наследовать имущество мужа! Ей остается формальный титул, скромная пенсия и право проживать в замке Лонгеферт, а непосредственное управление землями, банковскими накоплениями и всем имуществом переходит к королю. Так они ей сказали. Скоты! Ублюдки! Мошенники! Они ее попросту ограбили, используя вместо ножа и кистеня три строчки из пыльного фолианта. Но ничего! Она еще полюбуется, как вытянутся их постные рожи, когда она объявит, что носит под сердцем наследника герцога. И любой алхимик подтвердит, что ребенок именно от герцога, а не от свинопаса из соседней деревни. Ха! Она даже будет настаивать на этой проверке, чтобы они все задавились от злости. Только бы старик не сплюшал!

Колдун так и не вышел из склепа. В тот же день, ближе к обеду смотритель нашел его бездыханное тело возле открытого саркофага. Останки герцога, по счастью, оказались на положенном месте и в полной сохранности. Никаких частей похищено не было. Священники добросовестно очистили фамильную усыпальницу герцогов Лонге от скверны и мерзости чародейний, несомненно, совершенных здесь некромантом-рецидивистом, а труп виновника переполоха сожгли на пустыре. Прах запаяли в свинцовый куб и выбросили в море.

Герцогиня стояла у распахнутого окна и смотрела на тянущиеся до горизонта плодородные поля, залитые солнечным светом. Хозяйка! Владелица богатейшего герцогства, сеньора над пятью графами и целой сворой баронов, желанная гостья при дворе короля. Совсем недурно для дочки спившегося нищего дворянчика из захолустья. Решительно недурно! Лоэль упивалась своей властью и богатством. Теперь каждый день был для нее праздником.

Звук за спиной привлек ее внимание. Она обернулась. Увидела крепкого трехлетнего малыша. Ребенок стоял в кроватке, цепко держась за деревянные прутья решетки. Небесно-голубые глазенки внимательно и холодно смотрели на ее лицо. Лоэль была искренне благодарна этому созданию за свое теперешнее положение, но не могла подолгу оставаться с ним наедине, как прежде не могла кормить грудью. Она и сыном то называла его через силу, только в присутствии посторонних. Все-то ей вспоминалась темная Скорбная аллея и золото фамильной усыпальницы. Снадобье Ван Тага добротнo сделало свое дело, стерев воспоминания о самых ужасных моментах. Зато все остальное живо хранилось в памяти, порою возвращаясь в ночных кошмарах.

В последнее время стало еще хуже. Ребенок научился смотреть на нее каким-то особенным, отнюдь не младенческим образом. Внимательно, холодно и, что еще ужаснее, осмысленно. Теперь Лоэль если и заходила в его комнату, то сразу направлялась к окну и простаивала там какое-то время, стараясь не оборачиваться и даже не думать о малыше. Лишь бы челядь думала, что вдова уделяет внимание наследнику герцога. Со временем мальчик превратится в серьезную проблему, но она что-нибудь придумает. Обязательно придумает...

– Я знал, что у нас все получится, – сказал малыш и весело улыбнулся. Махнул ручонкой.

– Что? – герцогиня решила, что ей это мерещится. Ребенок, едва-едва научившийся говорить своим нянькам «Ма-ма!», не мог произнести этой фразы.

– Присядьте и дышите поглубже, молодая госпожа. У вас нездоровая бледность на лице. Я бы не хотел увидеть, как вы лишаетесь чувств. Как ни крути, а в физическом смысле вы теперь моя мать.

– Старик? – еле слышно выговорила герцогиня, чувствуя, что начинает задыхаться, и голова идет кругом.

– Уже нет! – ликующе объявил малыш и совершенно по-младенчески засмеялся.

– Как... Я хочу знать, как такое возможно?

– Я ведь уже объяснял вам это. Помните? Тогда, на Скорбной аллее. Но, кажется, вы все пропустили мимо ушей, молодая госпожа. Все в нашем мире имеет двойственную природу. Любая плотная материя может быть обращена в энергию, а энергию можно вновь загустить до

состояния физического тела. Здесь главное – соблюсти ряд условий, и вы очень мне в этом помогли.

– И что теперь? – спросила Лоэль, медленно оправляясь от потрясения.

– Ну-у, – протянул малыш, глядя в пол и наматывая на пальчик светлый локон. – Сейчас я завишу от вас, а вы от меня, так что в ближайшие годы мы можем не опасаться друг друга. Пока мне не исполнится двадцать один и не встанет вопрос, как нам поделить герцогово имущество, вы можете полагаться на мои тайные знания при решении любых проблем. Ничего, если теперь я буду называть вас «мама»?

Лоэль вдруг испугалась, что тонкий детский голосок вот-вот превратится в дребезжащее, хрипящее и свистящее старческое блеяние. И Ван Таг будет говорить, говорить, говорить. Бесконечно.

Динара Касмасова

Старики тут не живут

Все мое детство было омрачено смертями; они мелькали, как флаги на майских праздниках. Их было так много, что я перестал огорчаться после пятой или шестой. Кажется, это была смерть тети Эллы. Помню, мне совсем не было грустно от собрания людей в черном. Я заметил, что многие смеялись и обсуждали свои новости. И не потому, что тетя Элла была плохим человеком или не была никому дорога, нет. Здесь было что оплакать, например, её молодость или душевную доброту.

Кладбище протянулось на многие километры и не было неприятным и чужим. Оно было нашей детской площадкой для игр, нашей библиотекой, состоявшей из каменных книг, по которым мы учились читать, считать, вычисляя годы жизни по датам рождения и смерти, и понимать символику различных религий.

За неделю до моего шестнадцатилетия пришел доктор Петров и сообщил родителям:

– У вашего Юры вирус смерти. Ему осталась неделя.

Отец вздохнул и спросил доктора:

– Может, стоит перепроверить анализы?

Доктор заявил, что и так дел хватает, а тут факт очевидный.

– Это вирус смерти, – повторил доктор, пожав плечами.

Вирус, появившийся в конце двадцатого века, не приносил ни боли, ни каких бы то ни было неудобств, – от него просто умирали. А врачи могли сделать только одно: найти вирус и сказать, сколько человек еще проживет.

Мама заперлась в спальне и не выходила до вечера. А когда вышла, вся опухшая и красная от слез, сказала:

– Так не должно быть.

– А разве не так было всегда? – удивился я.

Отец улыбнулся.

– В нашем детстве, – сказал он, – в магазинах у касс были очереди, а на дорогах – автомобильные пробки. И за все свое детство я только однажды был на похоронах, когда моя бабушка умерла в девяностолетнем возрасте, – он вздохнул. Отец часто вздыхал, словно жить ему было ужасно тяжело.

– Скучно же вы жили, – хмыкнул я. – На той неделе отец Нины устроил шикарный праздник, у них умерла собака. Позвали меня и дядю Мишу, дворника.

– Дворника? – переспросил отец.

– Ну да, человека, который подметает улицы.

– Но отец Нины мэр нашего поселка, – отец говорил так, словно хотел поймать меня на лжи.

– Своих друзей он уже похоронил, – ответил я.

– Так не должно быть, – повторил как эхо отец.

– Смерть – это хорошо, – попытался утешить я старика, – смерть сплачивает. Так говорит наш священник.

– Через неделю, – выдохнула мама и села в кресло, – уже через неделю.

Мы молчали. Я смотрел в окно, думая, как расскажу новость Нине, и что она на это скажет. Почему-то ужасно важно было знать, какие слова она произнесет.

– Почему мы смирились? – спросила в никуда мама.

– Ну... – протянул отец и развел руками, – ты же слышала доктора.

– Забавно, – зло сказала мама, – ты то же самое сказал, когда умерла Люся. Ты слишком быстро опустил руки, хотя тогда тот доктор, Кротов, помнишь, пообещал таблетки, которые могли остановить...

– Эти таблетки запрещены. Что я мог сделать? – глаза отца затуманились от невольных слез.

– Но может, сейчас что-то изменилось? В Москве наверняка...

– Мы бы знали!

Напряжение между родителями было сильнее, чем между грозовыми тучами.

– А кто это – Люся? – быстро спросил я, чтобы отвлечь их.

– Твоя сестра, – резко сказала мама. – Она умерла, когда тебе было четыре.

– У меня была сестра? – удивился я. – Людмила Шапкина? Хм, не, не встречал такого надгробия.

– Людмила Агапова, – тихо сказала мама, косясь на отца.

– Две тысячи первый – две тысячи седьмой годы, – вспомнил я. – «Слишком любим, чтобы когда-нибудь забыть». Так себе слоган. Вот у Силана Жертомича куда круче: «Смерть это только начало».

– Тебе надо меньше бывать на кладбище, – сказала мама.

– Ну да, скоро поселюсь там навсегда, – попытался пошутить я.

Мама разрыдалась. На это было грустно смотреть, и я вышел из комнаты. Может, и правда глупо мириться. Даже если за тобой идет смерть, может, стоит попробовать сбежать от неё? Ну, если и не сбежать, то потянуть время хотя бы.

Я вышел на улицу, уселся на тротуарном бордюре и вытянул ноги. «Кто первый покажется из-за поворота, в таком возрасте я и умру» – решил я. Врачам я никогда не верил, слишком у них хитрые лица, а вот судьбе доверял.

Ждать пришлось долго, и я даже забыл, что что-то загадал. И тут вдруг из-за угла вышел старик. Давно не видел я в нашем городе стариков. Этот был хоть куда, лет шестидесяти, с белой бородой в пол-лица, в криво заломленном кепи и с тростью. Он прошел мимо и подмигнул мне. «Жизнь хороша, – лукаво сказал его взгляд, – и за нее стоит побороться».

И тут мне вспомнились слова матери о докторе Кротове и о таблетках, которые могли остановить вирус смерти. Почему, когда она произнесла его имя, она кивнула вверх, в сторону отцовского кабинета? Наверняка там лежит какая-нибудь бумажка от этого доктора.

Я пробрался в кабинет, благо родители разошлись по своим углам, и стал рыться в коробке с документами. На самом дне я нашел пожелтевший, потрепанный картонный квадратик, что-то типа визитки, напечатанной на домашнем принтере. Имя, фамилия, телефон и московский адрес. Да, ехать придется далеко. Хотя я еще не решил, нужно ли мне это. И, чтобы отвлечься от мыслей об этом докторе и его лекарстве, я отправился к Нине.

Мы сидели на веранде и смотрели на желтую сухую траву, умирающую под осенним солнцем. В моей голове эхом повторялись слова Нины: «И ты туда же, и ты туда же». Я искал в них отголосок её чувств ко мне и никак не мог понять, что за ними скрывается.

Нина вертела в руках визитку доктора, и так немало истрепанную временем.

– И что ты думаешь об этом? – спросил я.

– О чем?

– Ну как же, – я злился, что она невнимательна к моим словам. – Что я поеду в Москву, к этому доктору. Я уже продумал план. Сегодня ночью возьму вещи и отправлюсь на станцию. Сяду на товарняк и доеду до Москвы.

– Ты не найдешь там доктора.

– По-твоему, я тупой?

– Этой визитке уже много лет.

– Найду его новый адрес.

– Его новый адрес уже шесть лет как местное болото, – сказала Нина и наконец-то повернула ко мне голову.

– Что? О чем ты говоришь?

– Ох, это отвратительная история. Я не хочу её вспоминать, – она с болью посмотрела на меня, будто я её мучил своими вопросами. – Но так как ты почти труп, так и быть, расскажу.

Она разорвала визитку и кинула в траву.

– В 2013 году, летом, стояла жуткая жара. Помнишь, на речку нас не пускали, так как стену вокруг города еще не построили. Зомби лезли в город, как тараканы, и полиция еле успевала их отстреливать.

– Я тогда пытался выпросить винтовку у отца, – припомнил я. – Но он сказал в ответ, чтобы я не лазил, где попало.

– И тут маме сообщили, что она заражена. Тогда еще не могли заранее опознать вирус. Сказали накануне. Отец сходил с ума, и тут ему подвернулся доктор Виктор Кротов. Доктор был проездом и остановился в нашем поселке на несколько дней, думаю, чтобы поторговать пилюлями. Хотя в газетах и писали, что таблетки, что продают подпольные вирусологи, опасны, никому не было до этого дела, людям хотелось жить, любой ценой, пусть даже превращаясь в зомби, но жить. И отец купил их. На следующий день мать, вместо того чтобы умереть, вернулась домой. Мы должны были ликовать, но отчего-то на душе было тяжело. Она вроде была такой же, но в то же время стала чуточку другой, чужой, и это пугало.

– Ты тогда с раннего утра до ночи не возвращалась домой, – вдруг вспомнил я, – обедала и ужинала у нас.

– А через неделю мама изменилась. – Нина зябко запахнула кофту. Хотя закатные лучи окутывали теплом, она не чувствовала их, все больше проваливаясь в прошлое. – У нас был домашний кот, и она, кхм, – Нина нервно хохотнула, – ну, погналась за ним. Кот дал деру, но тут из комнаты, к несчастью, вышла я. Мать, не останавливаясь, развернулась и кинулась на меня. Я еле успела захлопнуть дверь. Мать стала биться в дверь моей спальни, и тут раздался выстрел.

– Черт, – прошептал я.

– Вот именно. – Нина выругалась покрепче.

– И что потом?

– Отец взял свои и мои вещи и поджег коридор второго этажа, где лежало её тело. Мы сели в машину и поехали в дом бабушки, в этот дом.

– Так вот почему он горел, – сказал я, вспоминая наполовину сгоревший дом, черную крышу которого было видно с кладбища. – А что случилось с доктором Кротовым?

– Как-то ночью я подслушала разговор отца и начальника полиции. Из их слов и по тому, что делал отец, я поняла, что произошло. Отец нашел Кротова, который уже собирался уезжать в Москву; доктор попытался бежать, но отец стрелял в него – ранил в правую ногу, а потом убил. Начальник полиции, хороший друг отца, помог ему избавиться от тела, скинув докторишку в болото.

– Ух ты, а я и не знал, что твой отец на такое способен.

Я немного помолчал, а потом, поборов неловкость, спросил:

– А в вашем старом доме могли остаться эти таблетки?

– Ты что, так и не понял, что я тебе рассказала? Хочешь быть как она? Хочешь стать зомби?

Она, злясь, встала со скамьи и зашагала в сад. Я догнал её и, схватив за руку, остановил:

– Я другой, и я останусь человеком!

– Не обманывай себя.

– Дай мне хотя бы шанс, – мне не требовалось её разрешения, но я хотел, чтобы она одобрила мои действия. Мне хотелось, чтобы хоть кто-то был на моей стороне.

– Мы уехали, взяв только свои вещи, – сказала Нина. – И если туда не наведывались чужие, все осталось на своих местах.

Почерневшие от огня половицы подозрительно скрипели под ногами. На второй этаж подниматься было опасно, лестница сильно пострадала от пожара, она стала призрачной черной тенью без перил. Как только мы вошли в дом, Нина поджала губы и нахмурилась. Но я её с собой не тащил, она сама вызвалась, сказала, что, раз уж она разбудила призраков прошлого, пора ей столкнуться с ними.

Она сказала мне, что таблетки, скорее всего, находятся на кухне. Пока Нина бродила по грязным комнатам, я пошел туда.

На кухне отвратительно пахло, на столах лежал мышиный помет. Когда же я стал открывать шкафчики, увидел и самих хвостатых. Мыши и крысы подъели не только оставленную еду, но и коробки из-под продуктов, и даже мыло. Крышки у стеклянных банок с консервами отлетели, и тухлые овощи и варенье, растекшиеся по шкафам, хотя и засохли, но продолжали вонять.

Наконец в одном из ящичков я нашел пузырек, где лежали бледно-желтые таблетки. На ярлыке еле виднелась надпись, сделанная ручкой: «V.M.1» и подпись – д-р Кротов. Открыв крышку, я понюхал пузырек: легкий запах лекарства, ничего больше.

– Нашел? – в кухню вошла Нина. – Тогда идем скорее отсюда.

– А что там у тебя?

Она нехотя вытащила из-за пазухи маленького плюшевого мишку и тут же спрятала его обратно.

– Ни слова, – строго сказала она мне.

– Как и ты, – я хлопнул по карману, где звякнули таблетки.

Оставшиеся пять дней прошли слишком быстро. Дни заканчивались скорей, чем успевали начаться. Может, потому, что была осень, и солнца становилось все меньше.

Мы гуляли с Ниной то возле речки, то по кладбищу, навещая знакомые старые надгробия, и все это время таблетки были со мной и жгли сквозь карман мою ногу.

А в пятницу родители устроили прощальную вечеринку, позвав каких-то незнакомых людей, пару оставшихся родственников и Нину с отцом. Как я ни сопротивлялся этому празднику, мама настояла на своем. Видите ли, ей очень понравилось, что Харизовы устроили такой праздник своему Павлику на прошлой неделе.

– Теперь это модно, – поставила она точку в нашем «споре».

И вот я сижу на диване с бокалом шипучки и слушаю, как отец Нины рассказывает всем про ограду. Что надо её чинить, что вчера он насчитал двадцать плешей и даже успел пристрелить одного зомби.

– Хочу в воскресенье устроить общегородское собрание, – вид у отца Нины был, как всегда, мрачный и спокойный. – По-моему, стоит подумать о том, чтобы все перебрались в центр. Так нам будет легче себя защищать.

Все давно уже забыли, по какому поводу здесь собрались, и скучковались возле мэра.

– Придется нам опять доставать оружие, – сказал он.

Мне было скучно слушать эти разговоры, и я, оставив бокал на столе, ушел в другую комнату. Всюду было пусто, мэр собрал возле себя всех гостей, только с кухни доносился тихий бубнеж. Возле окна сидели отец и тот самый старик с седой бородой. Кепки на нем не было, но трость стояла, прислоненная к столу.

– ...я уже все приготовил, – продолжал тихо говорить старик, – заменил экран, проверил бобины с пленкой. Оказалось, что все фильмы целы. Так что завтра открываюсь, – улыбка старика сияла сквозь бороду.

– Представляешь, Юрка, – кинул на меня веселый взгляд отец, – теперь по субботам у нас опять будут показывать кино, – отец вдруг нахмурился и тяжело вздохнул, – черт, ты же завтра... ну...

– Я могу сегодня устроить пробный запуск, – сказал дед. – Идем, – он уже встал и схватился за палку.

– Я только Нину позову, – воскликнул я и кинулся в гостиную.

По дороге к кинотеатру Алексей Степанович Полухин рассказывал нам про Москву и про то, как замучили его там зомби, – власти не могли ничего с ними сделать, так как следить за огромным городом с его бесконечно длинными улицами, где в каждой подворотне сидел зомби, было просто невозможно.

– Все бегут из больших городов. А мне, слава богу, было куда податься, здесь жили мои внуки.

– Почему вы такой старый, а еще живой? – вдруг спросила Нина.

– Хм, может потому, что пью много сладкого лимонаду? – засмеялся старик.

Кинотеатр был старым одноэтажным зданием с толстыми колоннами; он находился в центре поселка. Окна его были всегда заколочены, а на двери висел замок. Теперь за освобожденными стеклами белели шторы, но замок был все тот же.

Дед, склонившись над ним, долго кряхтел, подпирал дверь и чертыхался.

– Какой красивый медальон, – сказала Нина, указывая на цепочку, что свесилась из выреза клетчатой рубашки деда.

Дед выпрямился, взял медальон, на серебряной крышке которого я успел заметить витую букву «К», и, хмурясь, опять спрятал его за пазуху.

– От внука остался, – буркнул он и наконец-то отпер дверь.

В кинотеатре стоял затхлый сырой запах, но всюду сияла чистота. Было видно, что все готово для открытия, даже шторы, хоть проеденные молью, тщательно выстираны и выглажены. Старик, оставив нас в зале, отправился в кинопроекторную комнатку. Спустя минут пять портьеры разъехались, и на белом экране запрыгали черные пятна. Кино было странным, совсем чужим: как и говорил отец, всюду были люди, они бестолково толпились на улицах, их было невообразимо много, словно муравьев в муравейнике.

За сюжетом фильма я не следил, – думал о том, что дело близится к ночи и вот-вот наступит суббота, день моей смерти. А я все еще решал, пить мне эти чертовы таблетки или нет.

Я очнулся от своих мыслей, когда почувствовал, что на мою ладонь легла рука Нины. Я перевернул кисть, и наши пальцы переплелись. После этого стало не важно, что случится со мной завтра; до конца кино мои мысли не покидали пределов настоящего.

В небе сияли звезды, и мы неспешно возвращались домой. Вдруг что-то стукнуло меня изнутри, дыхание на миг перехватило, и я пошатнулся.

– Что с тобой?

– Н-ничего, – соврал я. Но сердце принялось выделять кульбиты, оно то бешено стучало, то замолкало совсем, будто исчезая из грудной клетки. Я сунул руку в карман и к своему ужасу не обнаружил там заветного пузырька. – Черт, я же в других брюках.

Я поспешил к своему дому, Нина рванула за мной.

– Постой, Юра. Пусть будет, как будет. Зачем тебе эти таблетки? Чтобы превратиться в зомби?

Легкие мои разрывал огонь, я остановился, чтобы отдышаться, чтобы сил хватило ответить Нине:

– Мне нужно хотя бы три дня. Я обещаю тебе, что через три дня сам покончу с жизнью, если, конечно, начну превращаться.

– Зачем тебе эти несчастные три дня?

Я молчал: признаться было трудно даже самому себе, не то что произнести вслух. Я зашагал к дому. Меня пробирал холодный пот, и, как я ни хватал ртом воздух, он никак не мог пробраться в легкие, как будто кто-то сжал мне горло.

– Ты не скажешь? – продолжала приставать Нина.

– Из-за тебя, – пробубнил я.

– Что? – то ли не услышала, то ли не поняла Нина.

– Чтобы быть с тобой! – крикнул я и прибавил шагу. Нина, наоборот, отстала.

В эти дни у меня постоянно вертелась мысль: хотелось бы мне так отчаянно жить, если бы я не любил? А может, это отговорка, не было бы любви, была бы недописанная картина или неисполненная мечта. Причины жить всегда найдутся. Может, потому-то и развелось столько зомби?

Окна были темные – видимо, гости давно разошлись. Я зашел в дом и пробрался в свою спальню. В старых джинсах нашел таблетки; руки тряслись, а перед глазами плыли круги. Сердце стукнуло в ребра так, что стало невыносимо больно. Я задохнулся и, понимая, что следующий удар будет последний, вытряхнул лекарство на ладонь, но промахнулся. Таблетки покатались по полу. Пытаясь их поймать, я уронил пузырек, и тот, глухо стукнув об пол, укатился под кровать.

Сил не было даже выругаться. Каждый клочок тела наполнился болью; я рухнул на колени, белые пятна таблеток смещались то влево, то вправо, я наугад шлепнул по пятну, соскреб две и кинул в рот. Теперь можно было и умереть – или, по крайней мере, стать живым мертвецом.

Растянувшись на полу, я слушал последние удары сердца, и вдруг оно ухнуло куда-то в пропасть, нервный ток пробежал по моим конечностям, и наступила удивительная тишина. Никогда я не был в такой поразительной тишине, даже когда прятался в чулане, накрывшись с головой одеялом. Это была ужасающе мертвая тишина, исходившая из меня самого. А потом на меня навалилась дикая усталость, и я, перебравшись в кровать, закрыл глаза и уснул.

Я проснулся от того, что надо мной шептались голоса.

– Я забыл, в каком костюме он хотел, чтобы его похоронили? – спросил отец.

– В джинсах, – тихо сказала мама.

Я открыл глаза, и мать взвизгнула.

– Ты не умер? – воскликнула она.

– Я просто спал.

– Но доктор сказал...

– Наверное, он ошибся дня на два-три, – ответил я, садясь.

– Так это же хорошо, – растерянно сказал отец.

Мать вроде бы тоже была с ним согласна, но, уходя из комнаты, тихо прошептала отцу:

– Второй раз я не переживу.

Наскоро позавтракав, я побежал к Нине. На пороге меня встретил её отец:

– Разве ты сегодня не должен был...

Вместо слова умереть он просто кхыкнул.

– Доктор ошибся на день, – сказал я, проклиная прощальную вечеринку, из-за которой теперь должен объяснять всему городу, почему не умер.

– Н-да? – Мэр подозрительно покосился на меня. – Что-то ты бледноват.

– А Нина дома?

Мэр отступил от двери, пропуская меня, но глядя по-прежнему подозрительно. Я видел, как рука его потянулась к поясу, но на полпути остановилась. Я знал, что он носит револьвер, и теперь вдруг понял, что мне надо быть чертовски осторожным, чтобы не выдать себя. Но я был такой же, как всегда, и потому не видел причины волноваться.

Нина поначалу тоже пыталась разглядеть во мне какого-то монстра, но потом забыла о моем новом состоянии, и мы провели весь день в обычной беззаботной ерунде. Вечером Нина отправилась на официальное открытие кинотеатра. Собрался почти весь город, и поэтому я туда не пошел: не хотел всем объяснять, почему я еще живой.

Я сидел на скамейке и ждал Нину. Но из кинотеатра она вышла с отцом и какими-то парнем и женщиной. Я вспомнил этого веснушчатого парня, мы часто дрались с ним в детстве. Это был Митька, он жил на другом конце города, а женщина, что, сутулясь, шагала рядом, была тетка, воспитывавшая его.

Они шли медленно и говорили о фильме, о завтрашнем собрании. Я спрятался в тени кустов и с болью подумал, что Нина уже подыскала мне замену. Неужели забыла, как в детстве Митька иногда поджидал за углом, чтобы кинуть в нас чем-нибудь или крикнуть обидные слова? Я отстал от них, когда они пошли по пустоши, ярко освещенной фонарями.

– Ну и ладно, – прошептал я и поплелся домой.

На следующий день Нина с каким-то упоением рассказывала о Мите, что ему семнадцать, а он уже устроился работать в полицейский участок. Было невыносимо слушать, какой он смелый и как дежурит по ночам у ограды вместе с другими добровольцами.

– Что с тобой? – вдруг спросила она меня.

– Ничего, а что?

– Вид у тебя какой-то чужой и... – она замаялась, но все же сказала, – злой. Прошло уже два дня, так?

– При чем тут два дня? Намекаешь, что я уже не человек? – вспыхнул я. – Как будто сама поступаешь человечно. Давай, продолжай веселиться со своим жердям.

Нина закусила губу, щеки её слегка покраснели. Я же, переполняясь ненавистью к Нине и за это еще больше злясь на себя, развернулся и утопал домой.

Но дома меня поджидал отец. Он остановил меня, не дав улизнуть в свою комнату.

– Постой, я хотел у тебя кое-что спросить, – сказал он.

Я зашел в зал и, скрестив руки на груди, уставился на отца. Ноты неловкости в его голосе говорили, что предстоял не очень-то приятный разговор.

– Юра, – вздохнул тяжело отец, – мы знаем, что ты выпил таблетки.

– Да где бы я их взял? – слишком энергично возмутился я.

– Ты умер позавчера, да? Не надо, не отпирайся. Я же вижу, какой ты стал. Такой же, как один мой сослуживец, Кузнецов. Когда он умер, он принял таблетку и стал постепенно превращаться в зомби. Его ловили всем городом. Сначала жена прятала его от соседей и родственников в сарае. Она таскала ему живых кур и кроликов. А потом пропала и сама.

– Да при чем тут эти байки, – в дверях возникла мать. – На вид ты такой же, как всегда. Просто я нашла пузырек от таблеток доктора Кротова под твоей кроватью.

Я затравленно дернулся, понимая, что меня разоблачили, но мать сделала ко мне шаг и крепко обняла за плечи.

– Ты правильно поступил, – прошептала она и поцеловала меня в макушку.

Но вид отца говорил о другом, он сомневался и смотрел на меня настороженно и внимательно, словно я опасный сумасшедший и из спокойного состояния могу неожиданно перейти в буйное и напасть на них.

Поэтому я несколько не удивился, когда случайно увидел, как отец достал из чулана двустволку и, пряча её под махровым халатом, отнес в свою комнату. Когда же я лег спать, то услышал, что в двери родительской спальни щелкнул замок.

На следующий день с утра зарядил дождь. Идти куда-то совершенно не хотелось. Все мысли вертелись вокруг Нины, особенно мучила одна: пошла ли она сегодня гулять с Митей. Но после обеда в дверь постучали, и вошла Нина. Под мышкой она держала коробку со скраблом. Вопросительно посмотрела на меня.

– Идеальное занятие для дождливого дня, – улыбнулся я. И не нужно было просить друг у друга прощения, улыбки сделали все за нас.

Посреди игры мать крикнула, чтобы я вынес мусор.

– Рыбы потроха ждать не любят, – добавила она.

Я нехотя подчинился и, накинув плащ, выскочил на улицу. Делов-то было – пробежать несколько метров до угла и кинуть мешок в бак.

На обратном пути что-то заставило меня остановиться у нашей калитки. Я повел носом и то ли почувствовал, то ли понял, что за высоким кустом ивы стоит человек. Куст был как раз напротив зального окна. Я подумал было про зомби, но запах был человеческий. Даже несмотря на скрадывавший запахи морозящий дождь я мог сказать, что там стоял мужчина. Мое вдруг странно обострившееся обоняние испугало меня самого.

– Эй, – крикнул я, – кто там?

Тень отделилась от куста, и я увидел отца Нины.

– Дядя Коля? – я невольно попятился. Черт побери, неужели он здесь, чтобы следить за мной?

– Еще жив? – сказал мэр. Правая рука его пряталась в кармане куртки, где по очертаниям можно было угадать револьвер.

Дверь скрипнула, и на крыльце появился отец. Я вздрогнул, мэр дернул головой.

– Николай Романович, – слегка удивленно сказал отец. – Что вы там мокнете? Заходите скорее.

– Я мимо проходил, увидел вашего сына и решил спросить, как его здоровье, – мэр поднялся на крыльцо.

Отец нахмурился от его слов, но заставил себя улыбнуться:

– Как раз и ваша дочь у нас в гостях. Сейчас поставим чайник и будем пить чай с малиновым вареньем.

За столом, накрытым белой вязаной скатертью, к моему удивлению вдруг воцарилось веселье. Каждый перебивал другого, подтрунивал или рассказывал какую-нибудь забавную историю. А я вдруг к ужасу своему заметил, что мне нужно чуть больше времени, чтобы понять шутку. Как будто мозг сначала считал до трех, а потом уже доводил до меня информацию. Да и веселье словно обтекало меня, не задевая нервов. Я подумал, что все это непременно заметят, и постарался смеяться вместе с остальными. Но Нина кинула на меня какой-то странный взгляд, и я понял, что актер из меня никудышный. И потом вместо нарочитого хохота просто улыбался.

Дядя Коля и Нина ушли, мать убирала со стола. Отец заговорил о мэре, о том, какой он замечательный человек и как поселок меняется к лучшему. Я слушал в пол-уха, размышляя,

застрелил бы меня мэр на улице, если бы отец не вышел. Наверняка знает, что я уже давно мертв, и это его злит, тем более, мы с Ниной все время вместе.

– А теперь у нас еще и кино, – продолжал говорить отец, – как будто старые времена вернулись. Я вижу, что Полухин не из-за денег возродил кинотеатр, он хороший человек и хочет, чтобы люди были веселей. Он придумал в фойе продавать лимонад. Теперь нигде такого не сыщешь.

– А ты говоришь, дело не в деньгах, – подала голос мама.

– Именно что нет! Лимонад стоит копейки, почти даром. Полухин явно от него в пролете. Он старается ради людей. Постой! Я же забыл, Полухин для Юры передал бутылку этого лимонада, она в холодильнике, сбоку.

Я пил лимонад лишь пару раз в детстве и теперь с удовольствием принялся за холодный терпкий напиток.

– А ты видел его внуков? – спросил я.

– Нет. Полухин говорит, что ему не повезло. Когда он приехал, только что умер Кирилл. Младшая же внучка, Елена, умерла еще раньше.

Я вспомнил их надгробия: Кирилл умер в прошлом месяце, Елена – два года назад. Потом я припомнил их отца и мать, Алену Полухину и Григория Алексеевича Полухина, умерших пять и три года назад.

И тут в памяти всплыли неясные очертания покосившегося деревянного креста. Ни фотографии, ни вычурностей, только имя и дата. Алексей Степанович Полухин. Неужели память меня подводила? А может быть, это однофамилец? Но отчество сына указывало, что нет.

Я помнил почти все надгробия западного кладбища, возле которого находился старый дом Нины, а вот кладбище на восточной стороне знал не очень. Я до следующего утра мучился предположениями и, как только рассвело, отправился в другую часть города.

Я нашел этот старый, прогнивший крест. Имя и дата говорили, что Алексей Степанович Полухин умер пятнадцать лет назад. Но кто тогда тот дед, что управлял сейчас кинотеатром?

Я думал о псевдо-Полухине весь следующий день. Хотел рассказать о нем Нине, но её не было дома. Я три раза забегал к ней, но на двери по-прежнему висел замок. Куда она могла уйти? К кому?

Стараясь не думать о Нине, я вернулся мыслями к Полухину. Чтобы узнать правду, нужно было пробраться к нему домой. Я знал, что старик живет в подсобных комнатах кинотеатра. Оставалось только дожидаться, чтобы он оттуда ушел. Сегодня как раз была среда. Дед засядет в кинопроектной, и у меня будет достаточно времени, чтобы разнюхать о нем все. Оставалось придумать, как пробраться в здание.

Я шел по вечерним улицам, и вдруг меня кто-то окликнул. Я повернул голову и увидел доктора Петрова – тот, в белом халате, стоял возле дверей больницы и курил. Он поманил меня к себе, и я, видя за стеклянной дверью мывшую пол уборщицу, подошел поближе.

– Я, кажется, что-то напутал с твоими анализами, – сказал он, швыряя окурок в урну.

– Н-да? – неопределенно сказал я, начиная нервничать.

– Идем, я возьму кровь.

Я панически решал: бежать ли со всех ног, пойти с ним или отвертеться, – мол, опаздываю в кино, некогда и вообще заскочу как-нибудь попозже.

– Ты что, боишься шприцов? – улыбнулся он. – Идем же.

Он взял меня за локоть.

– Я сейчас спешу, – я попытался вывернуться, но врач держал меня мертвой хваткой.

– Это обязательная процедура, – сквозь зубы проговорил он, таща меня внутрь больницы. – Пять минут, и ты свободен.

Уборщица уже утопала куда-то со своей шваброй. Коридор был пуст и тонул в полутьме, и только в вестибюле тихо жужжали люминесцентные лампы. Чтобы вырваться, я стукнул доктора по руке, но в ту же секунду кто-то схватил меня за другое плечо. Я скосил глаза и увидел мэра.

– Докажешь, что ты человек, и беги, куда хочешь, – сказал мэр, еще больней сжимая мою руку.

– Холодная кожа, синие ногти, мутные зрачки, – сказал доктор. – И без анализов видно, что это зомби.

Над ухом шелкнул затвор револьвера.

– Мэр, убивающий людей без доказательств? Только полагаясь на слова доктора-недоучки? – хмыкнул я.

– Паршивец, – доктор дернул меня за руку, потащив вперед. – Сделаю забор крови, а потом избавитесь от него.

Мэр пошел за нами.

Доктор, открывая дверь, ослабил хватку, повернулся, чтобы пропустить меня вперед, и тут я, лягнув его под колено, кинулся со всех ног к выходу. Мэр, растопырив руки на всю ширину коридора, хотел схватить меня, но я нырнул под его левую руку и побежал еще быстрее.

– Стой! – крикнул мэр, и тут же раздался выстрел.

Меня словно толкнули в плечо, но боли я не почувствовал. Я выбежал на улицу. Следом топотали мэр и доктор. Полутемная улица была пуста, и я неслись по ней, соображая, куда свернуть. Вслед раздался еще выстрел, я вильнул, пытаюсь увернуться от пули. Хотел было нырнуть вправо, но вдруг увидел вышедшего из кинотеатра человека.

– Помогите! – крикнул я и бросился к нему.

Это оказался Митя. Он выхватил пистолет и наставил его на меня. Как работник полиции он тоже носил оружие. Я, растерявшись, притормозил, но Митя махнул мне рукой, чтобы я ушел с пути. Я метнулся вправо.

– Держи его! – крикнул мэр.

– Опустите оружие! – крикнул в ответ Митя, шагая навстречу мэру.

Мэр и доктор, не доходя до нас несколько метров, остановились.

– Простите, Николай Романович, но я вынужден вас задержать, – сказал Митя, осторожно подходя к мэру. – Вы ранили Юру.

Позади нас с шумом открылись двери, и из кинотеатра, разговаривая, вышло человек восемь или десять. Но в ту же секунду разговоры смолкли, и люди замерли на месте. Я увидел среди них и Нину.

– Кого ты защищаешь? – махнул револьвером в мою сторону мэр. – Это ведь зомби! Сейчас он притворяется человеком, чтобы завтра напасть на вас и, разорвав на мелкие кусочки, съесть.

Митя, держа под прицелом мэра, скосил на меня глаза, брови его нахмурились.

– Я не собираюсь никого есть, – возмутился я. – И даже если сердце перестало биться, я все еще я.

– Бомба с замедленным действием, вот кто ты, – крикнул мэр. Он взвел курок и направил на меня револьвер.

– Опустите оружие, – скомандовал Митя. Я видел, что он разрывается между тем, чтобы схватить мэра, и тем, чтобы подчиниться ему. Митя вдруг стал на этой площади главным представителем закона, и его вспотевшая физиономия говорила, что он с трудом понимает, что ему следует делать.

– Мэр прав, – вдруг крикнул какой-то мужчина, – застрелить мертвяка!

– А почему вы решили, что зомби не имеют право жить? – спросил я.

– Потому что они жрут людей, урод, – раздался все тот же голос.

Я посмотрел на крикнувшего толстяка: он глядел на меня с омерзением.

– Если руководствоваться вашей логикой, – сказал я, – то коровы имеют право взяться за оружие и начать отстреливать людей.

Я понимал, что сказал чушь, но не знал, как еще остановить этих людей. А потом взглянул на Нину, которая стояла, сжавшись в комок, и ко мне вдруг пришла светлая мысль.

– У меня есть право прожить хотя бы еще один день. Ведь сегодня я еще могу любить и могу сочувствовать, а значит, сегодня я еще человек.

– Не тебе решать, кто ты, – сказал доктор Петров и обратился к людям: – Я лично подтверждаю, что это зомби.

Митя отступил в сторону и опустил свой пистолет, показывая, что он предоставляет мэру право разобраться со мной. Отец Нины шагнул ко мне, пустое дуло револьвера уставилось в мой лоб.

– Стойте, – из двери кинотеатра выскочил запыхавшийся Полухин. – Где документально подтверждено, что мальчик мертв, что он зомби?

– Если бы мы у каждого зомби спрашивали справку о здоровье, – хмыкнул доктор Петров, – то давно были бы мертвы.

– Вы щупали ему хотя бы пульс? – не унимался дед.

– Зачем? – рявкнул Петров. – Еще две недели назад я нашел у него вирус смерти.

– Вы ошиблись. И если вы тщательно проверите этого мальчика, то обнаружите, что – очень тихо, как при коме, но все же – у него бьется сердце.

– Да кто вы такой, черт возьми? – воскликнул мэр.

Дед молчал. А я вдруг вспомнил его медальон с гравированной буквой «К».

– Вы не Полухин, – сказал я. – Вы доктор Кротов.

Мэр при этих словах вздрогнул.

– Что за чушь? – пробормотал он, – тот доктор мертв уже как шесть лет.

– Кому как не вам знать это, – сказал я, – ведь тогда-то вы и убили его.

По толпе пробежал шепоток.

– Сколько можно говорить чушь! – поморщился доктор Петров. – Если Кротова убили, он не мог восстать из мертвых.

– У него медальон с гравированной буквой «К», по первой букве его фамилии, – стал говорить я. – А еще он хромает, так как мэр стрелял в его правую ногу, а потом уже в сердце.

– Да только промахнулся на два миллиметра, – сказал дед.

– Так это ты? – мэр, прищурившись, присмотрелся к нему и отрицательно покачал головой. – Но этого не может быть! Как бы ты смог выжить?

– Когда вы меня застрелили, я уже был два дня как мертв, – ответил дед. – Я был зомби. А зомби можно убить только выстрелом в голову. Конечно, вы с начальником полиции скинули меня в болото, и вот тут-то у меня возникла проблема, но мне повезло, и я все-таки сумел выбраться.

– Но зомби не стареют, – попытался уличить его во лжи доктор Петров.

– Конечно, но ведь я нашел лекарство, которое возвращает зомби к жизни.

Люди ахнули, и я вытаращил глаза на доктора Кротова.

– Опять шарлатанство! – крикнул мэр. – Вы тогда продавали таблетки, и люди вместо того, чтобы обрести вечный покой, становились живыми мертвецами. А теперь хотите продавать таблетки, превращающие мертвецов в живых? Кто вам поверит?!

– Я знал, что никто не поверит, – кивнул дед. – Поэтому в тайне поил весь город противовирусным лекарством, – он улыбнулся какой-то детской, счастливой улыбкой и сказал: – Лимонад был этим лекарством.

– Не верьте этому мошеннику, – злобно выкрикнул мэр. – Ему нужны деньги, ему плевать на вас и ваших родных. Ему было все равно, что мать, превращаясь в чудовище, желает убить родное дитя, ему и сейчас плевать, что вы будете надеяться на чудо. Эта тварь хуже зомби, она отравляет ваши сердца бессмысленной надеждой. И потому он, как никто другой, заслуживает смерти.

Мэр направил револьвер на деда и нажал курок, но в то же мгновение я сделал гигантский прыжок и ударил его по руке. Раздался выстрел, но пуля просвистела рядом с головой деда. Митя, кинувшись к мэру, скрутил ему руки и надел на него наручники.

– Я вынужден отправить вас в тюрьму до полного разбирательства, – сказал он.

– Правильно, – подхватил все тот же толстяк, – нечего без разбора во всех палить, даже если доктор Кротов и виноват, в этом должен разобраться суд.

Митя попросил и деда пойти с ним в участок, но люди их остановили. Всех мучил один вопрос: существует все-таки лекарство или нет?!

Доктор Кротов поднял руки, призывая к тишине, и сказал:

– Лекарство есть. И доктор Петров может подтвердить это уже завтра, взяв анализы у тех пациентов, которые должны были умереть от вируса смерти.

– Я не пойму, – с подозрением сказала какая-то женщина, – то вы говорите, что есть таблетки от вируса, то говорите, что способны из зомби сделать человека.

– Зомби есть следствие неправильного лечения вируса, – объяснил Кротов. – И в тех таблетках, что продавали от вируса, было спасение, но в них же заключалась и гибель. Все эти годы я искал, как исправить ошибку. Все, что я создавал, я пробовал на себе. Так как я был уже зомби, неправильное лекарство не причиняло мне вред, когда же я находил нужный ингредиент, оно лечило меня.

– Но разве можно оживить мертвеца? – спросил я.

– Поймите, зомби – это еще не мертвец, это человек, подвергшийся мутации от вируса и таблетки.

Доктора Кротова увели в участок. Люди поспешили домой, чтобы рассказать родным о вакцине. Не думаю, что в эту ночь кто-то смог уснуть в поселке, все были слишком взбудоражены случившимся. Все слишком долго жили в мире смерти, чтобы поверить, что жизнь может быть иной.

Нина, смущаясь, подошла ко мне.

– Теперь я буду жить! – воскликнул я. Мне хотелось обнять её и закружить по площади, но я лишь переступил с ноги на ногу. Вид у неё был грустный, и я спросил: – Ты что, не рада?

– Ты меня ненавидишь? – тихо прошептала она.

– С чего это?

– Я стояла и молчала, когда отец хотел тебя застрелить. И даже подумала, что, может, это и к лучшему, ты не станешь как она.

Её слова обидели меня, но обвинять её я не мог.

– Я тебе сам пообещал, что покончу с собой, да только смалодушничал, – сказал я.

Я предложил Нине остаться у нас, пока её отец сидит в кутузке.

Дома, после того, как я рассказал родителям о докторе и о лекарстве, мы устроили праздник. Отец, не переставая удивляться, что он не смог узнать в Полухине доктора Кротова, достал бутылку сидра, которую лично гнал из яблок. Когда же мы взялись за бокалы, мама сквозь слезы сказала:

– Я же говорила, никогда не надо сдаваться.

...Мэра продержали за решеткой только неделю. Кротов мстить не стал и отказался от своих слов, что когда-то мэр стрелял в него.

Доктор Петров, как ни был настроен против Кротова, стал проверять и перепроверять анализы заболевших сельчан. И спустя несколько дней был вынужден признать, что лекарство найдено. Составив документы и описание вакцины, он повез их вместе с Кротовым в Москву.

А мое сердце с каждым днем билось все отчетливей.

Милослав Князев

Чужая могила

Вообще-то мелкие пакости – не мой профиль. Не то чтобы я имел что-либо против. Вовсе нет. Но, во-первых, никто не станет нанимать специалиста моего класса ради мелочей. Знаете, какой у меня минимальный тариф? Вот именно. А во-вторых, репутация – тоже капитал. Причём немалый. Поэтому – никаких скидок на основании того, что задание плёвое и работы всего на несколько дней, максимум – неделю. Нет и ещё раз нет. Наоборот, дополнительная наценка за риск испортить репутацию, и никак иначе.

Однако ничего подобного мне никогда не предлагали, и я над такими вопросами не задумывался даже чисто теоретически. Вплоть до того злополучного дня. Уж лучше бы я тогда отказался. Нет, не так! Уж лучше бы я на тот момент уже имел заказ, – кто же откажется от непыльной недельной работёнки, за которую можно получить полугодовую оплату?

Но обо всём по порядку. И для начала позвольте представиться. В определённых, причём весьма узких кругах я довольно широко известен как У-У 28. Почему У-У? Это как в том фильме:

– А почему Ы?

– Чтобы никто не догадался.

Может, кто-нибудь хочет узнать, что означает 28? Попробуйте угадать. Если получится, десятипроцентная скидка на мои услуги вам обеспечена. В чём именно заключаются эти услуги? Я специалист широкого профиля по решению самых разных проблем в виртуальных мирах. Да-да, вы не ослышались, именно там.

Немалая часть человечества уже переселилась в них почти полностью, выходя из капсул в реальный мир исключительно чтобы поесть и изредка помыться. Тащат туда деньги, привычные предметы и вообще всё, что дорого. И, естественно, в виртуальности появляются проблемы, а раз есть спрос, то будет и предложение. То есть люди, которые готовы их решать за приличное вознаграждение.

Хотите взять штурмом неприступный замок конкурирующего клана или гильдии? Вам к такому, как я. Задание из ряда обычных. Регистрирую нового персонажа, прокачиваю до нужного уровня, вступаю в клан, заслуживаю доверие, и примерно через полгода... Нет, конечно, не захватываю замок в одиночку, – но вы можете начинать штурм. Отключение защиты в самый неподходящий момент могу гарантировать. Вам слава и замок, мне деньги. Всё по-честному. И если проигравший догадается, каким образом его захватили, я буду считать задание проваленным. Заказчику, естественно, об этом не скажу, ему без разницы, но сам буду знать.

Еще примеры моей работы? Слышали о пропавших рубинах короля гномов из Кирпичных гор Алиэра? Нет? И не услышите. Заказчик точно не станет распространяться, да и коротышка с бородой в косичках тоже. Не исключено, что гномий король пока и не подозревает, что стал значительно беднее.

Ну, о скандале на несостоявшейся свадьбе принцессы Великого Урзольского леса Зирмилиэль Прекрасной и простого лучника Ласвираля из далёкой рощи без названия, надеюсь, слышали? Настоящая любовь, которой не смогли стать помехой ни сопротивление родителей невесты, ни низкородность жениха. А я смог. Только никто не знает настоящей причины. Тоже любовь и тоже неравная. Один окончательно свихнувшийся игрок влюбился в эльфийскую принцессу НРС и сделал мне заказ. Саму девушку (ага, на тысячу лет старше) он не получил, но и конкуренту она не досталась.

А знаете, которым из своих дел я по-настоящему горжусь? Герцог Аржумский после несправедливых обвинений и изгнания захотел передать своему королю весточку. Всего лишь

записку и голову фаворита. Нет, убивал не я, моё дело – только скрытно доставить. Ничего особенного, прокачал всего за три месяца вора с очень специфическим набором навыков, которые почти ни для чего другого не пригодны, и пронёс посылку во дворец. Чего тут особенного? А вас когда-нибудь нанимала непись? Я говорю не о получении квеста, а именно о найме специалиста из реального мира для решения проблем, возникших у НПСов в мире виртуальном. То-то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.